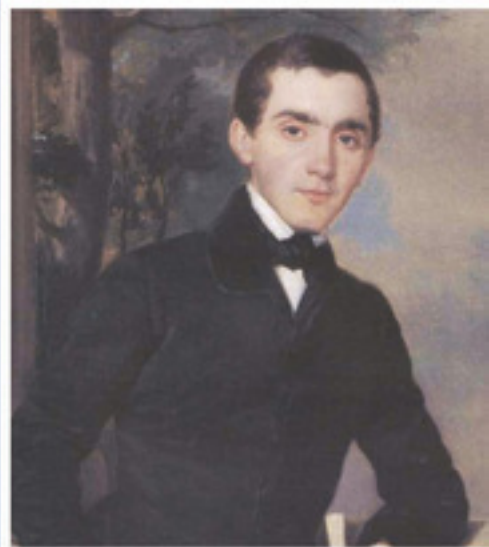

З.Х. ИБРАГИМОВА

**ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ
ЧЕЧЕНЦЕВ**

**НАУКА
И
КУЛЬТУРА**

Зарема Ибрагимова

**Царское прошлое
чеченцев. Наука и культура**

«Пробел-2000»

2009

УДК 39(=351.42):31
ББК 63.5(2)

Ибрагимова З. Х.

Царское прошлое чеченцев. Наука и культура /
З. Х. Ибрагимова — «Пробел-2000», 2009

В книге, посвященной вопросам науки, культуры, просвещения, религий и этнической истории чеченского народа, анализируется структура строящегося нового, реформируемого кавказского общества. Автор рисует широкую панораму повседневной жизни XIX столетия с ее особым предметным миром, укладом жизни, взаимовлиянием культур; дает целостное описание жизни чеченского народа. Характеризует труд и отдых жителей Кавказа, показывает моральные и эстетические ценности чеченцев. В книге идет речь о зарождении взаимного уважения между представителями разных этнических и конфессиональных групп, о первых ростках истинного интернационализма, о формировании чеченской интеллигенции. Привлечение огромного массива источников, обобщение многочисленных работ по истории освоения Кавказа, данные антропологии, генетики, этнографии, археологии, географии, биологии, геологии, истории России позволили автору выполнить исследование, которое безусловно должно быть отнесено к значимым явлениям отечественной историографии.

УДК 39(=351.42):31
ББК 63.5(2)

© Ибрагимова З. Х., 2009
© Пробел-2000, 2009

Содержание

Глава I	7
Формы развития имперской культуры	8
Северокавказская интеллигенция	12
Национально-цивилизационная политика Российского государства	17
Роль языка в истории взаимоотношений различных народов	19
История создания чеченского алфавита	21
Русификаторская политика царского правительства	25
Первые газеты на Кавказе	27
Предпосылки появления первой газеты для горцев на арабском языке	29
Деятельность царской цензуры	31
Начало работы просветительских обществ и организаций на Кавказе	37
Первые архивные учреждения на Кавказе	39
Частные, казенные и общественные библиотеки	41
Роль имамата Шамиля в деле просвещения горцев	43
Библиотеки Терской области	45
Работа Русского географического общества на Кавказе	48
Первые научные исследования Кавказа	49
Проведение биологических описаний Кавказа	50
Изучение Кавказа географом В.В. Докучаевым	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Зарема Хасановна Ибрагимова

Царское прошлое чеченцев: наука и культура

Светлой памяти дедушки Василия (урожд. с Великоцк, Луганская область) и бабушки Евдокии (урожд. с Сетное, Сумская область)

Книга издана при поддержке «Благотворительного фонда имени Зии Бажсаева»

* * *

*Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере – в стране тебе чужой
Я сердцем твой – всегда и всюду твой.*

М.Ю. Лермонтов

* * *

*Во время оное былое!..
В те дни ты знал меня, Кавказ,
В свое святилище глухое
Ты призывал меня не раз.
В тебя влюблен я был безумно.
Меня приветствовал ты шумно
Могучим гласом бурь своих.
Я слышал рев ручьев твоих,
И снеговых обвалов грохот.
И клик орлов, и пенье дев,
И Терека свирепый рев,
И эха дальnozвучный хохот,
И зрел я, слабый твой певец,
Казбека царственный венец.*

А. С. Пушкин

*Кавказ
Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:*

*Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.*

*В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.*

*Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..
М.Ю. Лермонтов*

Глава I

Культура и просвещение в Чечне в XIX веке

Известно, что основой изучения национальной специфики мировосприятия, склада ума и образа мышления выступают объекты материальной и духовной культуры. Происходящий в последние годы активный процесс возрождения этнических культур, усиление национального самосознания и как следствие этого – возрастание интереса многих наук к феномену человека, как к носителю определенной культуры, выдвинул в качестве первостепенной проблему глубокого и всестороннего изучения нравственного опыта народа, его морально-этического потенциала. Данная проблема особенно актуализировалась в условиях, когда силам распада и разобщения противопоставляется устойчивая тенденция к консолидации и сотрудничеству между представителями разных наций, когда возникает закономерный интерес народов к культуре друг друга. Сегодня становится более очевидным, что мир в обществе может быть достигнут и сохранен только через культуру и нравственность, через устройство жизни и взаимоотношений между народами по этическим законам. Представляется, что здесь уместно было бы привести слова В.С. Непомнящего: «Культура вообще такая вещь, которая зовет человека остановиться, не бежать, не спешить, оглядеться, задуматься..»

Культуру можно разделить многими способами – по языкам, экономикам, технологиям, религиям, искусствам, политическим и общественным организациям. Культура человека как единое целое есть сложный структурированный организм, в котором все категории формируют друг друга. Все культуры слагаются из множества материальных и нематериальных элементов, содержание которых является результатом сложной адаптации к обширному ряду экологических, общественных и культурных факторов. Безусловно, культура – живой организм, ее границы, ее внутреннее пространство и даже основы эластичны, подвижны, проницаемы. Но уникальное сочетание некоторых ее качеств неизменно, упорно воспроизводится во всех масштабах и на всех уровнях общества, и во все времена².

Большая часть культуры передается от одного поколения к другому посредством сложных систем связи, благодаря которым сложные и бесконечные процессы адаптации позволяют выживать и помогают культурам быстро меняться, когда, например, эти общества сталкиваются с другими цивилизациями. Каждая культура имеет свою индивидуальность и узнаваемый стиль, которые формируют ее политические и юридические институты, а также моральные нормы. Таким образом, человеческие культуры слагаются из человеческого поведения и его результатов; они состоят из сложных и взаимодействующих постоянных величин. Но в то же время, человеческая культура, не являясь статичной, постоянно приспосабливается как к внутренним, так и к внешним факторам³.

Формы развития имперской культуры

Сосуществование различных культур неизбежно приводит к пересмотру многих традиционных точек зрения, на обсуждение которых многие члены сообществ не осмеливались ранее, полагая, что это является самоочевидным. Кроме того, не имелось внешних мотивов, чтобы пересматривать устоявшиеся взгляды на традиционные явления культуры. Встреча и сосуществование народов и культур – это неизменный факт, который можно использовать на благо, но который может быть также и началом новых конфликтов и столкновений⁴. Результат взаимодействия этноса с другими зависит от уровня его культуры. Считается, что чем выше уровень культуры этноса, тем более благоприятные последствия приносят ему соприкосновения с другой культурой. У такой культуры действует обычно селективный механизм, отбирающий только полезное для нее. По данному показателю среди межэтнических культурных контактов можно выделить адаптацию, аккультурацию и ассимиляцию. Этноты, как и все живые организмы, стремятся выжить, несмотря на самые суровые условия существования. Уже, при самом рождении каждый этнос обладает своим уровнем витальности (т. е. выживания). Одни энергичные и наполненные жизненной энергией, в пору своей молодости начинают теснить соседние этноты, другие идут по более мудрому пути приспособления. Этноты физически умирают редко, чаще они видоизменяются до неузнаваемости, становятся реликтами или распадаются на этнографические группы⁵.

Этническая адаптация – это процесс активного приспособления этнических групп к изменившейся природной и социально-культурной среде.

Основным способом этнической адаптации является принятие норм и ценностей новой социально-этнической среды, форм межэтнических взаимодействий и предметной деятельности. Аккультурация – это процесс и результат взаимовлияния этнических культур, заключающийся в восприятии одной из них элементов другой культуры. Причем формы взаимного обмена культурными достижениями бывают очень разнообразны. Этническая аккультурация, возникающая вследствие контактов между культурами и способствующая широкому распространению культурных явлений, нередко ведет к частичной или полной ассимиляции. В свою очередь ассимиляция представляет собой процесс усвоения представителями одного этноса языка, культуры, обычаев и традиций другого народа. В зависимости от того, какими путями и способами осуществляется ассимиляция, различаются естественная и насильственная ассимиляция. Естественная ассимиляция – итог непосредственного контакта этнически разнородных групп, обусловлена потребностями упрочнения их общей социальной, экономической и культурной жизни. Насильственная – представляет собой целенаправленную систему мер органов власти во всех сферах общественной жизни, направленных на искусственное навязывание процессов ассимиляции путем подавления или стеснения языка и культуры этнических меньшинств, давление на их этническое самосознание и т. д. В результате происходит потеря ими своего языка и культурных особенностей, что приводит к смене этнического самосознания⁶.

По определению Ивана Ильина: «Русская культура есть созерцание целого». В основе российской культуры в ходе всего исторического процесса было заложено собирание, а не разделение; восприятие целого, а не манипулирование частностями. По замечанию Владислава Суркова: «Русского, скажем так, в большей степени интересует время, а чертеж будильника – в меньшей». Отсюда вытекает и стремление к политической целостности через централизацию властных функций; идеализация целей политической борьбы. Целостное, философское восприятие мира позволило русской культуре гибко взаимодействовать с культурами других российских народов. Интегрировать, не разрушая, все многообразие их обычаев, сохранять целостность пестрого общего мира. Русскому взгляду присуще эмоциональное, романтиче-

ское, идеалистическое мировосприятие. Идеализму свойственно желание обращать в свою веру, приобщать к своей культуре, основываясь на часто весьма наивном, почти детском призыве всех сделать счастливыми, не имея для этого реальных возможностей⁷.

Исторически государства часто составлялись в ущерб интересам народов: в большинстве случаев принцип индивидуальности рассматривался как нечто безразличное для государства. Опыт истории показывает, что самостоятельное культурное развитие народа, вошедшего в состав чужого государства, приостанавливается. А ведь само латинское слово «cultura», означает «возделывание», «воспитание», «образование» и «развитие»⁸. Государство – особая сфера, действующая по своим законам и живущая своими интересами. Ни сущность, ни динамика, ни судьбы государства не совпадают прямо с динамикой культуры народа, между ними обычно возникают трения и конфликты, в которых государство временно может одерживать верх, но, обладая собственным потенциалом, культура большей частью оказывается значительно долговечнее. Недостаток средств и кадров затрудняет ликвидацию неграмотности и освоение достижений науки и техники. К тому же на деятельность правительства постоянно влияют различные классовые, клановые и ситуационные соображения, в силу чего ему большей частью «не до культуры». Тем не менее, сформулированные государственные цели существуют как сверх задачи, на которые должны быть направлены усилия официальных органов и те ресурсы, которые удастся выкроить из бюджета⁹.

Длительные, устойчивые политические отношения России с народами Кавказа приобрели для обеих сторон глубокое культурно – цивилизационное значение, не зависящее от тех или иных поворотов политической конъюнктуры¹⁰. Однако, в ходе взаимопроникновения культур, представители русского и чеченского этносов нередко сталкивались с различными формами национализма и государственного шовинизма, что заставляло народы придерживаться консервативных тенденций и искать защиты своих интересов в древних традициях, отталкивая все новое, привнесенное извне.

Серьезной проблемой в развитии этнических культур является проблема традиций и инноваций, их взаимосвязь и взаимодействие. Традиции и инновации взаимосвязаны между собой и дополняют друг друга. От поколения к поколению передаются такие традиции, как форма поведения, навыки, духовные ценности, идеи, обычаи, обряды, понятия, все то, что образует костяк культуры. Инновации – в проекции – будущие традиции. Если традиция абсолютно необходима для самого поддержания существования общества, то инновация жизненно важна для его развития и совершенствования. Общества взаимодействуют между собой, дополняя и обогащая культуру друг друга, и получая необходимые импульсы для своего дальнейшего развития. Обогащая свою культуру с помощью больших этносов, малые народы знают их, в свою очередь, с национальными обычаями и традициями, предоставляя значительную социально – культурную информацию, накопленную и обогащенную веками¹¹. Немецкий философ О.Шпенглер признает возможность заимствования технологий. Но это вовсе не значит, что тем самым он отказывается от своей идеи «замкнутых культур», это также не противоречит его культурному релятивизму, поскольку заимствование понимается не как сущностное, а как формальное. У О. Шпенглера есть понятие «псевдоморфоза», означающее наличие чужеродных культурных «вкраплений», появившихся в результате непосредственных межэтнических (ассимиляционных) контактов; если их много, они могут даже определять «лицо» культуры (на самом деле являющееся «маской», набором ничем не обоснованных стереотипов, ложно и неадекватно характеризующих ее). Культурное единство и многообразие обусловлено по принципу диалектического единства формы и содержания. Многообразие составляет сущность культуры. Единство – ее форму существования¹².

Нарушение традиций, ценностных установок, культурных норм приводит к так называемой реакции социального беспокойства, росту национализма. Это выражается, в частности,

в стремлении этнической группы к изоляции от иноэтнической среды и всех ее проявлений, к защите собственных духовно-нравственных ориентаций от внешнего влияния, которое воспринимается как агрессия. Эти процессы напрямую связаны с социальным, политическим и экономическим бытием конкретной этнической системы. Основными побудителями изоляционистских стремлений – неустроенность представителей данной системы в социально-экономическом плане, политическая несостоятельность группы. Подобные явления характерны для различных периодов развития чеченцев¹³.

Рассмотрим подробнее понятие «национализм». Национализм – социальный механизм, процесс и результат осознания национальной культурой себя в целом, доминантная форма национального самосознания. Его можно также определить как субкультуру, выполняющую по отношению к национальной культуре важную функцию самоописания, самопрезентации, самоотношения. Роль, которую национализм играет в культуре, предопределяет его особую пространственно-структурную компоновку: он одновременно находится внутри и вне культуры. Национализм делится на конструктивный (патриотизм) и негативный (шовинизм). Негативный национализм редуцирует культуру к собственному представлению о ней, к тому, что он называет национальным характером. То, что остается после этого от материнской культуры, выдается за образец культурной жизни, по которому он готов кроить и другие культуры.

Национализм пластичен, изменчив, трансформируем. Ему свойственно стремление выдавать себя за национальную культуру и действовать вне и, вместо нее. Но он также способен к конструктивному взаимодействию с другими формами общественного сознания, с другими субкультурами в пределах культуры, к творческому созиданию новых форм национальной жизни, к развитию культуры народа исходя из его глубоких духовных традиций. Чем предопределяется то или иное состояние национального самосознания? Немаловажную роль играет экономика и политика. Проблемная экономика легко трансформирует национализм в шовинизм. Причину, определяющую характер национализма, следует искать в социальной сфере, которая целенаправленно и последовательно формирует способ культурологического мышления у большинства представителей этноса¹⁴.

Разрастание Российского государства, включение в его состав новых подданных влекли за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов. В подобных исторических ситуациях, когда люди пытаются приспособиться к переменам, в массовом сознании возникает благодатная почва для складывания различных мифологем, спасительных иллюзий как средства адаптации к «жесткой» действительности. Имеет место поиск оснований для культурного противопоставления своего народа – России и русским. Часто происходит приписывание себе положительных характеристик в качестве компенсации за подчиненное положение, как средства повысить свою позицию в символической иерархии народов. Наиболее востребованными в идеологическом отношении здесь становятся этногенетические мифы с их компенсаторской функцией – представлением о том, что нынешним невзгодам предшествовал «золотой век»¹⁵. Но, не смотря на все усилия политической пропаганды, история Чечни в составе России подтверждает, что эти группы людей – меньшинство и доминант – не относятся к числу этнических систем, которые не могут сосуществовать в одном социальном пространстве. Отдельные ценностные установки и стереотипы могут носить конфронтационный характер, но и здесь существуют механизмы, способствующие их погашению¹⁶.

К сожалению, культурно-национальная политика занимала подчиненное положение по сравнению с военно-политическими и социально-экономическими методами царизма. При этом властям пришлось считаться со складывающимися веками традиционными восточно-арабскими нормами культуры, которые невозможно было упразднить административными и насильственными методами. Несмотря на мизерные, совершенно недостаточные средства и усилия правительства в области социальной сферы, медицины, все же они много значили для

развития северокавказского региона. Коренные народы стали ощущать и необходимость развития светского образования и профессиональной медицинской помощи, основы которой на Северном Кавказе закладывались именно в рассматриваемый период. Однако состояние этих сфер культуры здесь было значительно слабее, чем в закавказских районах, не говоря уже о центральных российских губерниях. Весьма благотворной являлась деятельность представителей передовой российской интеллигенции, внесшей огромный вклад в развитие края. По сравнению с исторической перспективой поглощения, даже единоверными державами (например, Турцией), вхождение горцев Северо-Восточного Кавказа в состав России таким болезненным и тяжелым путем все же создавало возможность для значительно более быстрой адаптации и интеграции местных народов в империю, а через нее и в мировое сообщество с сохранением своих национальных особенностей¹⁷.

Организация поликультурного образования основывается на идее культурного диалога, равноправного партнерства в пределах образовательного пространства культурных ценностей различных этносов. Такой подход методологически восходит к культурологическим идеям ведущих философов XIX–XX веков, в частности к идеям Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина и др. Одним из основоположников идеи многослойности, гетерогенности мировой культуры традиционно называют русского философа Н.Я. Данилевского. Каждая историческая национальность, по мнению философа, имеет свою собственную задачу, которую должна решать, свою идею, свою отдельную сторону жизни. В многообразии культурно-исторических типов Данилевский видел одно из важнейших условий прогрессивного развития человечества. Существование множества цивилизаций является, с его точки зрения, выражением бесконечно богатого творческого гения человечества. Философ подчеркивал преимущество специфического, особенного по сравнению с общим, доказывал идею приоритета в истории национального над общечеловеческим¹⁸. Развитие этноса не в том, что он с необходимостью должен достичь своей «полноценности» посредством обретения «здесь» и «сейчас» государственного «оформления», но в том, что каждый этнос имеет право и обязан сохранять и развивать свою культуру. Именно последнее дает ему качество «первичной субъективности» на уровне этно-исторического развития. Сама государственность есть проявление «цивилизаторской потенции» этноса, его возможности участвовать во всемирно-историческом процессе в качестве самостоятельной силы, организующей окружающее этническое пространство. Однако далеко не всегда внешние атрибуты государственности являются проявлением государственной суверенности¹⁹.

Северокавказская интеллигенция

На Северном Кавказе проживают отличные от других регионов страны социокультурные сообщества, скомбинированные из черт горских, степных, земледельческих и индустриальных этносов и полиэтнических групп христиан, мусульман, буддистов и пр. Здесь постоянные культурные столкновения повышают мобильность населения, обращение к местным традициям или, напротив, многократные заимствования, и создают высокую напряженность в межэтнических «швах». Полидисциплинарные и компаративные подходы, историческая и культурная антропология позволяют исследовать процессы взаимовлияния народов, опыты совместного проживания, хозяйствования, природопользования и т. п.²⁰. Стремление к традиционализму как необходимому условию сохранения этнической культуры во многом детерминирует поведенческие установки представителей всех этнических групп на Северном Кавказе. Это стремление существенным образом влияет на процессы трансформации групповой этнической идентичности, что неизбежно проявляется в этноконтактных ситуациях, складывающихся в ходе повседневной межэтнической коммуникации в различных планах и на разных уровнях общественной жизни, обогащая культурную сферу жизни государства²¹.

Кавказ – это один из живительных родников русской культуры. Немыслима в полном объеме русская культура, какой мы ее знаем, которой восхищается весь мир, если бы Россия и Кавказ не были бы слиты в своем единстве. Дух Кавказа, его интонации навечно вплетены в русскую поэзию, литературу, музыку. Вслед за декабристами на Кавказ пришли А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и др. До появления поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник» Кавказ был для русской литературы «далекой страной», ибо кавказская действительность еще не получила в ней реалистического осмысления. В поэме «Кавказский пленник» Пушкин впервые в русской литературе показал социально-нравственные процессы, происходившие в чеченском обществе. А.С. Пушкин первым отобразил отношения доверия и уважения, начавшие возникать между Кавказом и Россией. Им найдена глубинная суть нравственного мужества горцев, непривычного для русского восприятия того времени²².

Через русский язык и деяния во благо общего российского государства мир открыл для себя имена великих писателей, композиторов, ученых, полководцев, государственных деятелей, рожденных на земле Кавказа²³. Самым первым профессиональным композитором и собирателем чеченского фольклора был Муслим Магомаев. Он родился в 1885 г. в семье кузнеца-оружейника, уроженца с. Старые Атаги. В доме Магомаевых царил творческая атмосфера: ставились домашние спектакли, звучала музыка, любили танцы, художественную литературу. Старший брат Муслима прекрасно играл на гармонии и флейте, увлекался фотографией и живописью, руководил ученическим оркестром в своей школе, позднее преподавал европейские и восточные танцы. В Грозненской горской школе Муслим Магомаев овладел игрой на скрипке, участвовал в ученических концертах. В 1900 году Муслим поступил учиться в Закавказскую учительскую семинарию в г. Гори. М. Магомаев – автор таких сочинений, как оперы «Шах Исмаил», «Нэргиз»; около 15 симфонических произведений разного жанра, незаконченного балета «Дели Мухтар» и ряда других сочинений, которые пока не найдены. М. Магомаев на основе записанных им чеченских народных мелодий создает ряд композиций: «Маленькая фантазия», «Попурри из туземных мотивов», «Чеченская пляска», «Песни и танцы Чечни»²⁴.

В XIX веке, когда народы Северного Кавказа вышли из многовековой изоляции, на общероссийские пространства политики, экономики, культуры, выразителем общественного самосознания и общественной мысли стала выступать горская интеллигенция. В надежде на успех своих просветительских инициатив, она апеллировала к основному субъекту российской имперской модернизации – правительству, «просвещенному» либеральному чиновничеству.

Светское просвещение выступало у просветителей как главный фактор перестройки северокавказских обществ на новых рациональных началах, гражданском воспитании горских народов, усвоения ими тех требований, которые предъявляет к гражданину государство. Проблема русско – кавказских отношений рассматривалась интеллигенцией сквозь призму просветительской теории общественного договора²⁵.

Северокавказская интеллигенция втор. пол. XIX в., интеллектуально и эмоционально переживающая драму своей неукоренности, интеллигентской маргинальности, стремится обрести национальную государственно-правовую «почву», пытается раскрыть для самой себя и для других подлинный облик своих народов. Однако, встав на путь культурного самоопределения, погружаясь в истоки, интеллигенция сохранила привязанность к русской и европейской правовой культуре. От включения в европейскую государственно-правовую цивилизацию, от усвоения ее достижений находясь в составе Российской империи, зависело существование целых народов, обреченных в противном случае на неразвитость, нищету и различные притеснения со стороны властных структур²⁶.

Северо-Кавказская интеллигенция возникла на скрещении автохтонного и российского обществ; её идейный облик формировался на «перекрёстке» двух культурных потоков: традиционного наследия систем ценностей и идеалов – и идейных воздействий, идущих из России и стран европейского круга²⁷. Интеллигент – это представитель профессии, связанной с умственным трудом, и человек, обладающий умственной порядочностью. Основным принцип интеллигентности – интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли²⁸.

Просветители выражали крепнущее национальное самосознание горских народов. Они рассматривали историю горцев как составную часть общечеловеческой истории, выявляли самобытные духовные факторы исторического развития каждого народа. В обширной статье У. Лаудаева «Чеченское племя» приобщение к российской государственности осмысливается как итог многовекового естественно-исторического процесса развития чеченского общества. Российская государственность способна, по мысли просветителей, обеспечить на Кавказе главные функции государства – вершить правосудие, гарантировать безопасность людей, сохранность их жизни, свободы и собственности. Смотрящая на прошлое и настоящее горских народов сквозь призму европейских ценностей свободы и развития, северокавказская интеллигенция 60-70-х гг. и хозяйственную культуру горцев оценивала в свете европейской идеологии труда и хозяйствования. Тема воспитания новой трудовой этики и совершенствования хозяйственных навыков горцев занимает главное место в творческом наследии просветителей. Подъем экономических сил народа, становление современных хозяйств для просветителей – основа интеграции горцев не только в социальный и хозяйственный организм России, но и в европейскую цивилизацию²⁹.

Первые просветители, – отмечает Р.Х. Хашхожева, – это те, «кто занимался первоначальным накоплением духовного капитала, но только для своего народа. Они, подобно великим географическим открытиям средневековья, открыли мир цивилизации через просвещение для себя и для своих соплеменников. Они, усвоив русский язык и изучив историю и культуру не только своих народов, но, прежде всего своего этноса, совершили интеллектуальное чудо: не только усвоили русский язык и другие европейские языки, но изучили свой язык; первыми поставили вопрос о научном исследовании своей культуры, истории, языка; создали первые учебники и издали обобщающие труды по этим направлениям знаний и этим положили начало научной мысли среди своих народов. Поэтому одной из особенностей их научной деятельности является то, что они обратились к социально-гуманитарным проблемам своего народа. Именно по этим отраслям знаний они проводили свою просветительскую работу среди соотечественников»³⁰.

Необходимость «догонять» более развитые общества Европы, преодолеть отсталость ставили перед горскими народами непреложный императив обновления производства, социальных отношений, мировоззрения широких народных масс. И в то же время нужно было сохранить социальную и культурную преемственность, обрести культурно-историческую самостоятельность. Впитав русскую и европейскую культуры, северокавказская интеллигенция основательно усвоила их, исходя из собственного положения и своих задач. Глубоко национальный облик этой интеллигенции определил то, что она раньше других социальных сил и в наибольшей мере осознала те требования, которые предъявило к горским обществам, еще недавно «стоявшим в стороне от истории», вхождение в «большой мир».

Башир Керимович Далгат был выдающимся просветителем, видным ученым в области этнографии, этнологии, антропологии, фольклора народов Кавказа, известным правоведом и общественным деятелем. Б. Далгат закончил Ставропольскую классическую гимназию в 1889 г., после чего поступил сначала на физико-математический факультет С. – Петербургского университета, где учился весьма успешно, но затем по гуманитарным соображениям перешел на юридический факультет.

Он не только досконально изучает всю имеющуюся кавказоведческую литературу о вайнахах (чеченцах и ингушах), но, не довольствуясь этим, в 1891–1892 гг. предпринимает продолжительную экспедицию в горную Чечню и Ингушетию. Все свои наблюдения и знания о вайнахах Б. Далгат доводит до высокой научной аудитории, делая доклады и читая рефераты. 28 февраля 1894 года им был прочитан реферат на заседании Русского антропологического общества при университете в столице империи на тему: «Происхождение, организация и разложение агнатического рода у чеченцев и ингушей». Этот реферат получил высокую оценку русских маститых ученых. В своем труде о первобытной религии чеченцев, который был представлен студентом-выпускником в Испытательную комиссию на юридическом факультете Петербургского университета в 1895 г. Б. Далгат получил самый высокий бал. За этот труд Далгату присудили диплом высшей категории и ученую степень кандидата прав, что было редким исключением для дипломников. Эта работа только частично была опубликована в 1893 году во Владикавказе, в «Терском сборнике»³¹. Становление культуры, которая не зачеркивала, не обесценивала бы национальную традицию, но умела бы соотноситься с всемирно-историческими запросами, требованиями модернизации, умела бы быть отзывчивой к опыту других народов – выдвинулось в ряд первостепенных задач северокавказской истории в конце XIX столетия³².

Повышенный научный интерес к традиционной культуре, как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях, глубоко симптоматичен. Гуманитарная наука в начале третьего тысячелетия нашей эры отходит от одностороннего исследования истории как процесса непрерывного прогрессирующего развития; история человечества может быть адекватно понята только во взаимодействии динамики её непрерывных изменений со статикой её культурных архетипов, например, устного народного творчества, сказаний, пословиц и поговорок³³. Ранее само общественное развитие понималось как однолинейный процесс. Собственно говоря, смысл такого процесса заключался в постепенном приведении всех этносов, народов и созданных на их базе цивилизаций к некоему «общему» знаменателю. За безнадежно отставшими от «передовых» цивилизаций народами признавалось лишь только почётное право быть соответствующим образом обученными и поглощёнными более развитой цивилизацией, которой они в свою очередь оставляли элементы собственной культуры³⁴.

Сотрудничество с местным населением ради безопасности, отказ от тотального господства титульной нации в целях социальной стабильности были принципами Российского государства. Изучение «титульных» национальных языков, доселе невиданной национально-культурной инфраструктуры, вовлечение «коренных» кадров в систему государ-

ственного управления – все это долгое время служило эффективным клапаном для стравливания давления в имперском «плавильном котле»³⁵. Не все шло гладко и не сразу получалось, но в итоге находился оптимальный баланс. Для укрепления господства русского правительства недостаточно стало силы только одного оружия. Официальная позиция была выражена следующим образом: «Горцам надо указывать путь к новой гражданской культурной жизни, их надо терпеливо и с большой осторожностью учить, а не запугивать властью и строгостью, иначе, как показал опыт многих лет, кары вели к совершенно противоположным результатам». Людям всех национальностей в Российской империи было разрешено получать образование (рабов в США категорически запрещалось учить грамоте) и входить в политическую, военную, научную, культурную элиту России. Лояльность трону, профессионализм и знатное происхождение ценились выше, чем этническая или конфессиональная принадлежность. Были разрешены межнациональные браки, а, например, в США в XVII–XIX вв. они были запрещены. В правовом отношении нерусским народам предоставлялись некоторые льготы сравнительно с русскими. Они не закрепощались, не рекрутировались, имели налоговые послабления³⁶.

В Терской области формирование местной интеллигенции приняло интенсивный характер по окончании Кавказской войны. С этого времени актуальной задачей правительства являлось решение вопросов политического, экономического, культурного развития Северного Кавказа. Активизировался процесс приобщения горцев к русской культуре. Одновременно проводилась политика коренизации местной администрации. Основанием для этого являлось убеждение о необходимости привлечения горцев к решению стоящих проблем. Центрами подготовки профессиональной интеллигенции Терской области являлись гимназии, окружные горские школы, семинарии, кадетские корпуса. Эти учебные заведения ставили своей задачей воспитание гражданских и отчасти военных чиновников, учителей, других специалистов, на которых правительство могло бы опереться в политическом и хозяйственном освоении края³⁷.

Шло активное приобщение горцев к проведению правительственной политики, коренизация местной управленческой элиты. Основанием для подобного являлось убеждение, что благодаря близкому знакомству с бытом и нравами горцев выходцы из их среды смогут более эффективно проводить правительственную политику и ослабить существовавшее в общественном сознании горцев представление о порабощении их со стороны «русского Ивана».

Общественно-политические деятели горских народов пореформенного периода решают проблемы создания национальной письменности, историографии, открытия светских школ. Они отстаивают своей просветительской деятельностью демократическую концепцию европеизации, в ходе которой, по их мнению, условия для свободного развития обретут национальные культуры горских народов. Апеллируя к либеральной российской бюрократии, осуществлявшей модернизирующие реформы, они стремятся всячески содействовать ее цивилизационным акциям³⁸. С конца XIX в. самодержавие стало отказываться от политики коренизации, опасаясь активной политической деятельности горской интеллигенции³⁹.

Каждый народ представляет собой некоторую собирательную личность, отличающуюся от других особенностями своего характера, своих нравственных и умственных способностей, а потому имеющей право на независимое существование и развитие. Это разнообразие национальных особенностей является коренным условием правильного хода общечеловеческой цивилизации. Лишить человечества разнообразия – значит, лишить его возможности проявить во всемирной истории всё богатство содержания человеческого духа⁴⁰. Доктор государственного права С.А. Корф считал, что «определение национальности предполагает обязательную войну языка; каждый гражданин должен иметь право употреблять, как в официальном, так и в частном своем обиходе любой национальный язык; он должен также иметь право воспитывать и обучать своих детей в любой школе и любому языку, по свободному своему усмотрению...». Национальная свобода обозначает автономию национального самоопределения, самостоятель-

ность удовлетворения духовных нужд и интересов, составляющих сущность национальной жизни. Но несомненно, что такая автономия опасна для правящего большинства, откуда и проистекают его стремления к подавлению, угнетению, ограничению меньшинства, других национальностей⁴¹.

Национально-цивилизационная политика Российского государства

Наука не отвергает понятия общечеловеческой цивилизации в том смысле, что важнейшие результаты умственной, нравственной и экономической жизни каждого народа становятся достоянием всех других. Каждая нация должна дать человечеству то, что скрыто в силах её духовно-нравственной природы. Так, например народы Северного Кавказа связаны не только историческим прошлым, географическими и государственными границами. Эта связь более глубокая, на уровне особой ментальности, особого восприятия себя и мира. Осознание межэтнической общности при бережном сохранении национальных различий – одна из главнейших задач исторического развития народов. И не последняя роль в решении этой задачи принадлежит культуре⁴².

Сохраняя свои особенности, подчинённые народы логически приходят к отрицанию прогресса, осуществляемого чуждым для них государством. Сохранение местных особенностей – это деятельность, по существу консервативная. У присоединённых к государству народов вследствие этого появляется два стремления – к внутреннему единству и внешней самостоятельности⁴³.

Официальные представители Российской империи, в основном, высокомерно относились к кавказским горцам. В их понимании они несли высокую «цивилизаторскую миссию» диким народам, не имеющим своей собственной культуры. В одной из статей Я.М. Неверова мы читаем следующие строки: «Если народ не имеет не только какой-нибудь письменности, но даже и азбуки, то значит, он не созрел до того, чтобы быть народом, и у него не может быть языка, как послушного орудия мысли, потому что его мыслительные способности находятся в младенческой дремоте и требуют предварительного развития»⁴⁴.

У барона Августа фон – Гакстгаузена, путешествовавшего на Кавказе, общавшегося с местными жителями, было несколько другое мнение относительно культурного развития горцев. «Я воздержался бы – писал он, от всякого малодушного высокомерия нашей новейшей цивилизации, которая во всём видит грубое невежество и варварство у племён, не имеющих нашей образованности»⁴⁵.

Безусловно, мотивы колонизации были сложными. Однако сводить их только к невежеству, грабительству, наживе и стремлению эксплуатировать было бы неверно. Среди них есть и патернализм, и искреннее стремление помочь тем, кого считали меньшими братьями, а бывало, и глубокое уважение к этим братьям, заимствование их обычаев и культуры⁴⁶. Обогащению и единству культурного процесса способствуют общность исторических судеб, открытость культур, социально-экономические, этнические, культурные контакты. Исторический аспект становления кавказских языков неразрывно связан не только с социально – экономическим, политическим и культурным развитием самих горцев, но и с тем влиянием, которое оказывали на них другие народы.

Эволюционный путь развития языков народов Северного Кавказа был в XIX веке нарушен экспансионистской политикой России. Весь уклад жизни, мировоззрение, культура коренного населения претерпели глубокие изменения, как в ходе Кавказской войны, так и в пореформенный период управления царской администрации. Политика ассимиляции («русификации») мусульманских народов вела к тому, что последние утрачивали связь с исламской культурой, лишались духовных корней. Замена арабской графики на кириллицу, массовое уничтожение арабографических рукописей и книг усилили изоляцию «российских» мусульман: была прервана духовная преемственность в передаче письменного наследия арабо-мусульманской куль-

туры⁴⁷. Сегодня невозможно сказать, кто и когда впервые начал использовать арабский алфавит для записи чеченских слов. Но один из первых известных вариантов чеченского алфавита с использованием арабской графики был создан Лачинилау – секретарем имама Шамиля⁴⁸.

Черно-белые ситуации исключительно насильственной или исключительно добровольной ассимиляции были лишь крайностями. В большинстве случаев агенты ассимиляции старались, наряду с давлением, создать позитивную мотивацию. А те, кто переживал «русифицирующую» ассимиляцию или аккультурацию, имели свои, иногда весьма неожиданные для «русификаторов», мотивы для усвоения русского языка и тех или иных элементов русской культуры. Так, мусульманская интеллигенция в конце XIX – начале XX века могла ратовать за усвоение русского языка именно как инструмента, во-первых, обеспечивающего доступ к западноевропейской мысли и образованности, откуда можно было черпать идеи и ресурсы для собственных националистических проектов, а во-вторых, дающего возможность более эффективно отстаивать интересы локального сообщества в отношениях с властями империи и перед общественным мнением. Это довольно рано понял Н.И. Ильменский: обсуждая кандидатов на роль муфтия, он указывал на «слишком хорошую» образованность вообще и «слишком свободное» владение русским языком, как на существенный недостаток одного из претендентов. Мы больше знаем о мотивах и формах сопротивления насаждению русского языка, и чаще их учитываем в исследованиях, чем рассматриваем их теневую сторону⁴⁹.

Другое важное обстоятельство – империи гетерогенны по определению. Даже в эпоху национализма они менее чем национальные государства, озабочены достижением культурно-языковой однородности населения, особенно на окраинах. Часто приоритетным для них является не ассимиляция и утверждение общей для всего населения национальной идентичности, а лояльность. Причем лояльность не только политическая, но и выраженная в культурных формах, то есть в ориентации на имперский центр как приоритетный источник культурных образцов и влияний. Например, употребление латинского алфавита в течение длительного времени во второй половине XIX века было запрещено для некоторых народов. Эта мера была, прежде всего, направлена на подрыв польского, а затем, по аналогии, и немецкого влияния на этнические группы западных окраин. Такая же мотивация существовала и в противодействии использовать арабский алфавит горцами Северного Кавказа при создании своей письменности. Язык является одним из наиболее важных элементов в символике этничности, а шрифт и алфавит представляют собой весьма многозначный символ, который нередко играл и играет ключевую роль в процессах формирования идентичности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что власти часто вмешиваются в вопросы языка, алфавита и орфографии⁵⁰.

Россия – государство-цивилизация, целый континент, собравший несметное количество языков, социокультурных форм, образов жизни. Россия не могла быть организована на началах западного, европейского эгигона, а требовала самостоятельного цивилизационного творчества, связанного с особенностями ее «евразийского» разнообразия⁵¹. Отметим, что русский язык считали родным, согласно переписи 1897 г., лишь 47 % населения, т. е. Российская империя представляла собой многонациональную державу, где «коренные» русские являлись меньшинством населения и как этнос не имели каких-либо привилегий. Этот вывод подтверждается также при анализе статуса национальных элит, который оценивается многими исследователями как высокий. Несомненно, установленным является факт управления империей посредством национальной знати⁵².

Роль языка в истории взаимоотношений различных народов

Унификаторской тенденции в национальной политике России противостояла тенденция, в рамках которой национальное и религиозное разнообразие осмыслялось как важнейшее достоинство России, а не как недостаток, подлежащий искоренению. Известный ученый П.К. Услар писал следующее: «Быть может, от нас зависит здесь на Кавказе показать свету впервые, каких благодетельных результатов можно достигнуть не только терпимостью всяких национальностей, но даже оживлением тех из них, которые до сих пор оставались в состоянии вековой апатии. Таковой принцип необходимо принять за краеугольный камень цивилизации Кавказа». Сторонники жесткой унификации образовательных систем и изгнания горских языков из школ, ссылались на опыт европейских государств. Так, журнал Министерства народного просвещения приводил в пример «образованные европейские народы», которые, по словам редакции, «никогда не возводили наречий подвластных им инородцев в язык церкви или школы»⁵³. П.К. Услар осуждал тех чиновников, которые недооценивали возможности горских языков при обучении детей, ссылаясь на их «бедность». Подчеркивая научно-практическое значение горских языков для правильной постановки обучения среди горцев, Услар отвергал такие вредные установки и писал, что мнение о бедности этих языков несостоятельно, так как «они неимоверно богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие мысли». П.К. Услар рекомендовал учить горских детей сначала их родным языкам, а затем переходить к русскому⁵⁴.

Чеченцы говорили и писали на разных языках. Например, когда Северный Кавказ в период позднего средневековья входил в обширный ареал тюркского расселения, среди горцев бытовала письменная литература на языке тюрки. Этот язык был одним из основных, который обслуживал население северокавказского региона и в той или иной степени удовлетворял его нужды в письменной фиксации литературных произведений, в обмене деловыми и частными корреспонденциями. Иноязычные деловые обращения, написанные в том числе на тюркском языке, и исходящие от русских властей, чаще всего были составлены согласно традициям русской дипломатики и письмоводства. Заметим, однако, что письмоводство русских властей с местными народами Северного Кавказа велось не только на тюркском («татарском», как его тогда называли), хотя последний служил основным средством письменного общения между ними, в течение довольно длительного периода времени. Так, известны также обращения русских властей к ним на арабском, персидском, русском языках. Как пример тюркоязычной переписки можно привести документ, хранящийся в Центральном архиве Республики Дагестан «Письмо от князя Чеченского владения Арсланбека сына Айдемира на имя кизлярского коменданта И.Л. фон Фрауендорфа»⁵⁵.

В первой половине XIX века народы Северо – Восточного Кавказа объединились и создали теократическое государство – имамат Шамиля. Интенсификация демографических и этнических процессов вызывала потребность в средствах языкового общения. В этой связи встал вопрос о функционировании внутри- и межрегиональных языков. В исламском государстве – имамате Шамиля, арабский язык выполнял функции межрегионального, государственного и конфессионального языка. Прокламации Шамиля и мюридов к народу всегда писались на арабском языке, на нём же велась документация, являясь закономерным проявлением подчинения всего жизненного уклада мусульман исламским традициям и законам⁵⁶.

Горцы сами пришли к использованию этого языка как государственного, и в продолжение 25 лет существования имамата арабский язык занимал ведущее положение на Северо – Восточном Кавказе. Арабский язык, с влиянием которого пришлось столкнуться России, являлся для

мусульман отражением их духовной жизни. Язык Корана связывал в единый конгломерат субкультуры Кавказа и весь мусульманский мир. Ислам принёс письменность, и через неё проникали все достижения культуры Ближнего Востока.

На рубеже XIX–XX вв. исламское просвещение проявило себя в качестве активной субкультуры, достигло ведущих позиций в просветительском движении и оказало ощутимое влияние на формирование мировоззрения немногочисленной еще национальной интеллигенции. В его рамках наглядно проявились возможности ограниченного взаимодействия традиционной культуры с исламской цивилизацией⁵⁷.

Среди чеченцев имелось немало людей, владеющих арабской письменностью. Задолго до появления русской школы при каждой мечети действовали духовные школы (хужары), обучавшие детей читать и писать по-арабски, а также арифметике. Наиболее способные ученики, закончившие курс обучения, сроком до 3-х лет, могли продолжать учёбу в религиозных школах более высокого ранга. Для получения же «высшего» исламского образования молодые чеченцы направлялись чаще всего в дагестанские селения Аксай, Кумух и Акуши⁵⁸.

История создания чеченского алфавита

Одним из замечательных явлений в истории духовной культуры народов Северного Кавказа было формирование, на основе арабской графики, в дооктябрьский период северокавказского реформированного алфавита, получившего название – аджам⁵⁹. Алфавит, которым пользовались чеченские арабисты возник, вероятно, ещё в дошамилёвский период. По этому алфавиту производилось написание имён, а также осуществлялся перевод трудных для запоминания слов на родной язык⁶⁰. На основе аджамского письма сочинял свои стихи кадий Атабай Атаев. Х.В. Туркаев пишет: «Размеры и формы стихов говорят, что Атаев хорошо знал правила восточного стихословия, его обязательные каноны...». Учёные-арабисты создавали такого рода стихи, используя наиболее известные им традиции арабской религиозной литературы⁶¹.

Арабская азбука, которой пользовались чеченцы при разных способах написания на родном языке, нуждалась в значительных дополнениях. В разработке алфавитов и издании книг на чеченском языке активное участие принимали некоторые чеченские муллы, в частности Сугаип-мулла Гайсумов. Поэтому можно сказать, что в определённой мере многие видные религиозные деятели Чечни стремились модернизировать чеченское общество⁶².

Представители ислама и арабисты в 1908–1921 годах выпускали в Темир-Хан-Шуре отдельные произведения на чеченском языке, пользуясь арабским алфавитом⁶³. В конце XIX – начале XX вв. только в Дагестане в литографиях были опубликованы 115 книг на чеченском языке. В основном это была переведённая арабская и персидская литература⁶⁴.

Среди книг встречалась не только религиозная литература (например, поучения устаза Кунта-Хаджи), но и вполне светская литература: учебники, пособия для изучающих арабский язык и сборники стихотворений, посвящённых историческим лицам («Манзумат»), а также книги по истории и медицине⁶⁵. Были опубликованы и труды местных авторов, например, Имрана Сухайба из Шали и Кунта-Хаджи из Илисхан-Юрта.

Эти издания высоко ценились в Чечне, даже, несмотря на невысокое качество полиграфии и наличие большого количества орфографических и стилистических ошибок. В годы советской власти, когда выпуск исламской литературы был полностью запрещён, книги, изданные тогда в Дагестанской области, переписывались от руки и бережно хранились⁶⁶.

Трагическая участь постигла чеченские фамильные хроники – тептары. В 1944 году, во время выселения чеченцев, все тептары (так же как и теологические сочинения XVII–XIX веков на чеченском языке) у местного населения были изъяты и уничтожены. Отдельные экземпляры вывезены офицерами НКВД в Россию, несколько тептаров удалось спасти их владельцам. Тептар – вид фамильной (семейной) хроники, в которой велась запись всех предков и наиболее важных событий в жизни фамилии и народа. В более древние времена тептары писались на чеченском языке грузинским алфавитом, с IX–X веков (при сближении аланов с Византией) – греческим, а с XVII века – на арабском языке или чеченском языке арабским письмом. Есть сведения о чеченских тептарах, написанных клинописью, а также об использовании чеченцами грузинского и греческого (византийского) алфавитов. О надписи, состоящей из двух строк и выполненной греческим письмом на камне основания одной из башен в селении Кирды в Аргунском ущелье, упоминает исследователь Кавказа Н.С. Иваненков⁶⁷.

В XIX веке изучение чеченского народа и его языка привлекало на Кавказ многих учёных, пытавшихся создать чеченскую письменность с помощью европейских алфавитов. Гюльденштедт и Клапрот зафиксировали чеченский лексический материал на основе европейской транскрипции. В середине XIX века одним из краеведов был создан словарь чеченского языка,

в котором присутствовали слова от «а» до «я» и отдельно были выделены местоимения, наречия и частицы. Причём числительные, для осуществления сравнительных характеристик, были представлены в разных вариантах: чеченском, русском, кумыцком, лезгинском и черкесском.⁶⁸

Более или менее организованный план создания горских алфавитов на европейской основе мы констатируем лишь в 50–60 годах XIX века, в работах Шифнера на основе латинских начертаний (1856 г.) и Услара – на основе русских букв (1862)⁶⁹. П.К. Услару как военному инженеру постоянно давались задания, для выполнения которых требовались командировки в разные места Кавказа. Частое перемещение по долгу службы давало ему возможность познакомиться с различными народами, изучать их историю и языки. П.К. Услар поражал знавших его людей постоянством, строгим исполнением своих обязанностей и редкой честностью. На службе Петра Карловича очень ценили и нередко давали самые сложные задания, за которые не брались другие военные.

13 августа 1858 г. вышел приказ Е.П. Ковалевского за № 1628 «О разрешении полковнику Генштаба П.К. Услару брать на дом сочинения, сведения и исторические материалы, которые имеются в публичных библиотеках и архивах по Кавказу – для составления истории Кавказа с древнейших времен»⁷⁰. В начале 1862 г. Услару было присвоено звание генерал-майора и дано поручение «исследовать языки с целью введения между горцами туземной грамотности на русском основании». Летом 1862 года П.К. Услар получил командировку в Грозный, где принялся за изучение чеченского языка. А уже в 1863 году литографированные монографии «Чеченский язык» и «Абхазский язык» были представлены в Академию наук академиком Шифнером и удостоены Демидовской премии.

Капитальный труд П.К. Услара о чеченском языке лёг в основу чеченских букварей, составителями которых стали Кеди Досов и Таштемир Эльдерханов. В начале 1862 года П.К. Услар просил Главный Штаб Кавказской Армии прислать в Тифлис двух чеченцев, по возможности знакомых с русской грамотой. «В марте того же года, – пишет М.Р. Завадский в предисловии к грамматике чеченского языка П.К. Услара, – прибыли в Тифлис прапорщик милиции Кеди Досов и мулла Янгулбай Хасанов и приступили к изучению чеченского языка. Занятия эти вскоре были перенесены в Чечню, где в укреплении Грозном П. Услар открыл в июне того же года временную школу. Около 25 молодых чеченцев, избранных Усларом из числа муталимов, при содействии Кеди Досова и Янгулбая Хасанова, за несколько недель были обучены новой чеченской грамоте». Мулла Янгулбай учил муталимов читать по – чеченски, а два русских писаря учили писать. По словам законоучителя Грозненской горской школы Идика Исмаилова, ученики даже составили стихотворение, в котором благодарили Бога и правительство за то, что им даровали письменность. П.К. Услар называл Кеди Досова, Янгулбая Хасанова и муталимов своими «чеченскими сотрудниками», с уважением отзывался о них⁷¹. Кеди Досов, по совету П.К. Услара, составил букварь чеченского языка. Единственный экземпляр этого букваря в настоящее время хранится в фонде г. Шухарта в библиотеке г. Грац (Австрия)⁷².

Созданная П.К. Усларом программа предполагала подготовку передовых людей из числа горцев в школах, открытых для каждой национальности отдельно. В этих школах должны были воспитываться и русские дети, однако их количество не должно было превышать 1/3, чтобы школы не утратили своего назначения. Обучение должно было начинаться на родном языке. Затем постепенно переводиться на русский язык, но изучение родных языков – продолжиться. Изучение языка горцев для русских детей являлось обязательным условием. П.К. Услар писал: «Изучение чужой национальности в лета восторженной юности навсегда привязывает нас к ней узами пламенного сочувствия». Услар сделал все, что мог для открытия экспериментальных школ, но эта программа обучения была свернута. В это время меняется политика в области образования. По свидетельству Л.П. Загурского, П.К. Услар очень тяжело перенес случив-

шеся, он замкнулся в себе, здоровье его было подорвано, но он настойчиво продолжал свои исследования⁷³.

П.К. Услар ученый-демократ и ученый-гуманист. Он открыто выступал за улучшение жизни горцев, за их развитие на основе просвещения и науки; выражал свое неудовольство произволом царских чиновников на Кавказе, осуждал жестокость колониальной политики царизма. П.К. Услар критиковал противников развития местных языков за их теоретически ошибочные и практически вредные взгляды, приводил аргументы, подтверждающие его предложения. В частности он писал: «Переводы русских брошюр на туземные языки могут быть выполнены с полным успехом. Мнение о крайней бедности этих языков совершенно ошибочно. Эти языки неимоверно богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие оттенки мысли». Далее ученый развивает свою мысль о местных языках и указывает, «...родные языки составляют самые надежные проводники между горцами нового рода понятий», имея в виду обучение грамоте, развитие просвещения, научных знаний и получение образования, налаживание связи с европейской цивилизацией⁷⁴.

В годы Кавказской войны чеченский язык изучали представители противоборствующих сторон: русские, казаки, черкесы, дагестанцы. Беляев, будучи в плену у чеченцев в 1847 году, провёл научную работу по изучению чеченского языка. Он зафиксировал числительные – до 1 млн. и тысячи тысяч, а также составил небольшой словарь русских выражений, переведённых на чеченский язык⁷⁵. Суровый Шамиль сто пятьдесят лет назад говорил о своём знании языков: «Кроме арабского, я знаю три языка: аварский, кумыкский и чеченский. С аварским я иду в бой, на кумыкском изъясняюсь с женщинами, а на чеченском шучу»⁷⁶.

Чеченцы также изучали языки своих соседей, что им очень пригодилось в «новой» жизни. В августе месяце 1856 года должна была состояться коронация Александра I. 20 июня 1856 года командующий Левым флангом Кавказской линии генерал-майор Евдокимов подал рапорт Козловскому, в котором рекомендовал назначить к отправляемым в Москву, на церемонию, кавказским депутатам переводчиком капитана Арцу Чермоева. Евдокимов дал Чермоеву прекрасную характеристику, написав о том, что знает его лично, что Арцу Чермоев, кроме чеченского, знаком ещё с кумыкским и осетинским языками, хорошо владеет русским языком. Это было немаловажно, т. к. представители разных кавказских народов без переводчика не могли общаться даже между собой⁷⁷.

Мирный и дружественный характер взаимоотношений чеченцев и казаков отчасти проявлялся и в том, что горцы отдавали на время своих детей в гребенские станицы, большей частью в семьи знакомых казаков, чтобы они учились разговорному русскому языку. Передовые представители местной интеллигенции не осуждали, а приветствовали и поддерживали эту систему, как одну из форм сближения с русской культурой. Один из них – Г. Шанаев указывал, что местные народы «изучение русского языка и грамоты... считают делом, безусловно, необходимым... Горцы, как народ сообразительный и при этом с умом практическим, видят хорошо на примере осетин, насколько важно в деле умственного развития знание языка культурного соседа». У Лаудаев до поступления в Петербургский кадетский корпус в 20-х годах XIX в. изучил русский язык в станице гребенских казаков. В свою очередь, казаки направляли своих детей к горцам-кунакам в чеченские села для обучения чеченскому языку⁷⁸.

В чеченском языке обнаруживались специфические диалектные (терские) русские формы, усвоение которых осуществлялось при контактах с русским населением Притерской полосы. Также было характерно и обратное языковое влияние. В дореволюционных лексических материалах по терским русским говорам фиксировались вайнахские (чеченские и ингушские) слова. Со временем русский язык выступил в роли государственного, стал активно вытеснять арабский, сведя область его использования только к религиозной сфере, фактически перекрыв ему дорогу в просвещение и печать. В ходе интеграционных процессов знание рус-

ского языка стало жизненно необходимо для местного населения, так как он стал выполнять функции хозяйственно-экономического общения различных народов, он являлся языком, знание которого было необходимо для успешной деятельности в системах внутри российского рынка, образования, управления и в других областях. Выполнение русским языком нескольких функций одновременно – носителя русской культуры, официального языка государства и средства межнационального общения – несло в себе как положительный, так и отрицательный заряд, так как придавало культуре официальный характер и воспринималось как средство политики русификации и ограничения «инородных» культур. Однако, то отличительное свойство русской культуры – извечное стремление к социальной справедливости и идеалам просвещения, приверженность принципам гуманизма, высокая духовность – неизменно притягивало к себе людей вне зависимости от национальных или религиозных различий⁷⁹.

Русификаторская политика царского правительства

К середине XIX века российская администрация уже имела огромный опыт в области, как органичного распространения русского языка, так и насильственной русификации народов других языковых культур посредством института колониального управления. В силу проводимой государственной политики процесс обрусения на Северном Кавказе продвигался довольно быстрыми темпами. Энергичные меры, принимаемые начальником Терской области, до такой степени содействовали этому движению, что к концу 60-х годов XIX века не только в Кабарде и Осетии, но и в обширной и многочисленной Чечне не было ни одного села, где не нашлось бы и нескольких человек, говорящих на русском языке, пусть даже и пару слов. М.Т. Лорис-Меликов уже был уверен в возможно скорой отмене переписки, ведущейся на арабском языке⁸⁰.

Однако эти прогнозы не сбылись, так как и в 70-е и в 80-е годы XIX века переписка у населения продолжалась вестись по-арабски. Для выполнения письменной работы сельское общество заключало договор с муллой. Приказы начальника участка отдавались словесно кадию, который записывал этот приказ по-арабски. Мулла читал и переводил старшине приказ с арабского – на чеченский. Ответ старшины участковому начальнику делался в обратном порядке⁸¹.

По мнению кавказских властей, русский язык должен был проникнуть во все сферы жизни горцев и подготовить их к его усвоению. Дальнейший путь развития кавказских горцев теперь связывался с необходимостью овладения ими русской речью, ознакомлением с русской культурой⁸². В 1867 году было запрещено обучение в школах национальных окраин на родном языке. Алфавиты, разработанные П.К. Усларом и другими учёными, были преданы забвению⁸³. В основу местного административного управления, издания периодики и книг, системы школьного и профессионального образования был положен русский язык.

Несколькими веками ранее схожая языковая ситуация возникла и в Ирландии. Первые контакты ирландцев с англичанами не представляли угрозы для ирландского языка. Скорее наоборот – ирландский язык доминировал. Статус ирландского языка стал меняться в начале XVII в., в связи с приходом к власти династии Тюдоров. Тем не менее, даже при них ирландский язык стал вытесняться далеко не сразу. В XVII веке, с одной стороны, знание ирландского языка оставалось обязательным требованием для судей в Ирландии, т. к. они должны были понимать показания свидетелей, говорящих по-ирландски; а с другой стороны, ирландцы все больше и больше осознавали необходимость овладения английским языком: многие родители даже заставляли своих детей учить английский.

Дискриминация ирландского языка достигла апогея в XVIII веке при Кромвелле. Подавление ирландского языка и вытеснение его английским, уничтожение культуры и обычаев народа повлекли за собой миграции ирландоязычного населения на юг и запад страны. Английский язык стал прочно входить в жизнь ирландцев, в XVIII веке он стал государственным языком. Борьба за восстановление статуса ирландского языка велась не только потому что ирландский язык являлся атрибутом независимости, но и по той причине, что ирландцы находили свой язык необычайно красивым, им импонировала его эстетическая ценность. Так, например, мать ирландского писателя В. Карлтона будучи известной певицей, исполнявшей ирландские народные песни, отказывалась исполнять их английские версии. Певица мотивировала свой отказ тем, что «Английские слова и музыка звучат так, будто муж и жена ругаются, а ирландские слова растворяются в музыке, словно муж и жена живут в согласии». В 1937 году Ирландия была провозглашена независимым государством. Однако и в настоящее время английский язык занимает господствующее положение: число говорящих на двух языках (примерно 27 % населения) или только на английском (около 70 %) значительно превышает число говорящих только на ирландском языке (лишь 3 % населения Ирландии)⁸⁴.

Русификаторская политика царского правительства втор. пол. XIX в. должна была стать звеном прежде всего в процессе интеграции различных этнических элементов многонациональной империи, но на практике она привела к ослаблению имперской составляющей русской государственности, росту националистических и революционных движений. Российская империя, безусловно, должна была на том этапе развития оставаться унитарным государством, русский язык – государственным. Но желательная тенденция – постепенная и добровольная ассимиляция других народов на основе приобщения к русской культуре, языку, православию. Не насильственные, административные меры должны были заставить иные народы воспринимать русскую культуру, а величие и блеск русской нации. Достижения ее культуры и искусства должны были органично соединиться с достижениями других народов⁸⁵.

Первые газеты на Кавказе

По многообразию и ценности информации периодическая печать открывает неизмеримо больше возможности, чем они практически используются в работах историков. Оценивая роль периодической печати как источника информации в реальной жизни и для последующих поколений исследователей нашего региона, мы должны всегда помнить, что число издававшихся на Кавказе периодических изданий, сборников очень внушительно. Мы, наверное, должны с большей настойчивостью изучать изумительный по богатству источник информации – старые газеты и журналы⁸⁶.

Газета «Кавказ» начала выходить с 3 января 1846 года. Это на первых порах было частное издание, появление которого весьма поощрялось правительством. Приветствуя выход «Кавказа», В.Г. Белинский в 1847 г. писал о несомненной пользе этой газеты, «...распространявшей образование среди кавказцев и знакомившей Россию с самым интересным и наименее известным ей краем». С 1850 г. «Кавказ» стал официальным правительственным органом⁸⁷. До конца 60-х годов XIX века Северо – Восточный Кавказ не имел собственных местных печатных изданий. М.Т. Лорис-Меликов приложил немало усилий для выхода в свет в январе 1868 года органа местного управления – газеты «Терские ведомости». Для этого в 1867 году была основана типография. Газете надлежало стать связующим звеном между русскоязычным населением и коренными жителями. Предметом публикаций газеты, помимо правительственных распоряжений, должны были быть обычаи, традиции и нужды «управляемых». Годовая подписка на «Терские ведомости» в 1892 году составляла всего 6 рублей⁸⁸.

Печать Терка в период реакции представляли «Терские ведомости» и «Владикавказский листок объявлений» (1881 г.), переименованный в «Терек» (1882–1884 гг.). Газета «Терские ведомости» пыталась в ряде случаев сочувственно упомянуть о бедственном положении горцев. В заметке «Население Терской области (Из реферата Г.Н. Казбека)», помещенной в № 31 газеты за 1888 г., в частности говорилось: «Своеобразная жизнь чеченцев далеко еще не понята представителями русской гражданственности, как и во многих других местностях, являются пристава, мало или вовсе неподготовленные к управлению столь своеобразным народом и незнакомые с местным языком и условиями местной жизни». Очерк В.И. Немировича – Данченко «Вдоль Чечни», написанный в защиту чеченцев, вызвал полемические замечания автора заметки «Несколько слов о чеченцах», напечатанных в № 19 «Терских ведомостей» за 1888 г.

Широкие просветительские задачи ставили «Терские ведомости», отметившие в редакционной статье первого номера, что «местные племена, проникнутые энергией и свежестью неиспорченных натур» есть в высшей степени «восприимчивые натуры, способные возрастить всякое семя, брошенное в них искусною, заботливою рукою». Помимо официального, в газете был выделен специальный отдел, где публиковались «статьи по истории, этнографии, географии, статистики, филологии племен и народов, населяющих область». Постоянные краеведческие отделы и рубрики вели и другие кавказские газеты, привлекая к публикациям краеведов, ученых⁸⁹.

В период редакторства Е. Максимова (с № 59 за 1889 г. он подписывал газету как исполняющий должность редактора, с № 92 – как редактор неофициальной части) «Терские ведомости» теряют прежний, хотя и не очень значительный, критический настрой, печатают материалы, выставляющие горцев в неблагоприятном свете. В 1893–1894 гг. Максимов опубликовал в газете под псевдонимом М. Слобожанин «Петербургские письма», в которых проводил реакционные идеи. «Осетины, кабардинцы, чеченцы, кумыки и другие туземцы, как ни славно и ни

поэтично их прошлое, никогда не создадут своей литературы, своей государственности, своей цивилизации» – писал он в одном из писем и предрекал «постепенное вымирание» горцев.

19 декабря 1911 г. в Грозном, в коммерческой типографии Н.С. Тюкова, вышел в свет первый номер газеты «Терек». Задумана она была как ежедневное, литературно-общественное издание. Но газете суждено было просуществовать меньше 8 месяцев, хотя вокруг нее успели сплотиться либерально-радикальные интеллигенты, которых привлекла в частности и неординарная личность редактора газеты Денильбека Шерипова, известного в Чечне юриста. Его по праву можно считать одним из зачинателей демократической прессы на русском языке в Чечне в период общественно-политического подъема на Кавказе. Д. Шерипов был разносторонним человеком в своих увлечениях и занятиях. В 1912–1913 годах он написал несколько содержательных статей на экономические темы, ему принадлежит также перевод на Чеченский язык романа «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо и т. д. Д. Шерипов считался одним из основоположников чеченской драматургии. Его пьеса «Бикату» представляет собой первое крупное художественное произведение о легендарном абреке Зелимхане. Возможно, выбор драматурга был вызван впечатлениями от личного знакомства с реальными героями пьесы: Зелимханом (умер в 1913 г.) и Бикату (она была в числе сподвижников Зелимхана)⁹⁰. «Терек», руководимый Д. Шериповым, неоднократно высказывался в защиту прав местного населения, например, в статье «Круговая ответственность горцев» (№ 102 за 1882 г.), которая встретила недовольство местных властей. В конце концов, цензурирование «Терека» было переведено в Тифлис, что и привело к прекращению его выхода⁹¹.

Коста Хетагуров был талантливым и плодовитым журналистом. Его публицистические статьи и корреспонденции, острые и ядовитые, как памфлет, украшали страницы «Терека», «Казбека» и «Терских ведомостей». В своих статьях он поднимал жгучие вопросы современности, ратовал за социальное равенство, за улучшение экономического и правового положения кавказских народов, просвещение, приобщение горцев к русской и мировой культуре. Наступательная публицистика автора обладала большой силой. Министр внутренних дел, прочитав статью К. Хетагурова «Неурядицы Северного Кавказа» нашёл много вопиющих фактов и высказался довольно нелестно для местной власти: «...Надо положить конец этим безобразиям... Такой порядок вещей не может продолжаться... В это же лето пошлём целую комиссию подробно исследовать всё, что происходит в Терской области. Если хоть сотая доля того, что передаётся в «Петербургских ведомостях» правда, то и тогда это выше всякого предела...».

Проверкой правительственной комиссии всё подтвердилось, и начальник Терской области Каханов был снят с должности⁹².

В конце XIX – начале XX вв. деятельность большинства горских просветителей принимает все более четко выраженную социальную направленность. В это время в разных российских периодических изданиях опубликовано большое количество статей братьев Ахметхана и Исмаила Мутушевых, Джамалдина Шерипова, Ибрагим-бека Саракаева. Братья Мутушевы происходили из офицерской семьи, Д. Шерипов сам был офицером, а И. Саракаев закончил офицерскую службу в полковничьем чине. А. Мутушев долгое время сотрудничал в ряде российских изданий, в частности, в газете «Новая Русь», в которой открылся «Мусульманский отдел». И. Мутушев являлся создателем «Общества распространения просвещения среди чеченцев» (1908 г.). Он призывал, со страниц газет обращаясь к чеченскому народу: «Пора же, наконец, и нам проснуться от столь долгой и губительной спячки и встать на путь прогресса и цивилизации». Ряд детей чеченских офицеров и знати прошли обучение в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурге, став горными инженерами, врачами, адвокатами и т. д.⁹³.

Предпосылки появления первой газеты для горцев на арабском языке

Многие российские государственные деятели понимали необходимость выпуска газет и журналов на арабском языке, в то же время не упуская возможности использования их в идеологическом контексте. Министерство иностранных дел России в 1864 году вступило в переписку с Кавказским наместником, великим князем Михаилом Николаевичем, по поводу издания на арабском языке небольшой газеты под названием «Заря» с целью распространения её между горскими племенами Кавказа.

Поводом к составлению подобного предложения послужило знакомство Нафалья-преподавателя арабского языка в отделении восточных языков при Азиатском департаменте, с военнопленным чеченцем Атабаем Атаевым. В Министерстве иностранных дел считали мнение Нафалья об издании газеты на арабском языке важным и значительным, для успешного развития Кавказского региона⁹⁴.

А. Атаев, бывший наиб Шамиля, за участие в Аргунском восстании 1860-61 годов был выслан в город Касимов, Рязанской губернии, без права возвращения на родину. Следует подчеркнуть, что Атабай получил высшее образование в Каире и был в Чечне образованнейшим человеком своего времени. Письма А. Атаева из ссылки на родину, написанные по-арабски, вполне можно отнести к духовной сокровищнице чеченского народа. Эти послания были выполнены в тонко прорисованном аллегорическом жанре таким изысканным и высоким слогом, что царская цензура, признаваясь в бессилии понять весь смысл изложенных Атабаем размышлений, просто не допускала их к адресатам⁹⁵. Могила известного учёного-арабиста Атаби Атаева, из тейпа балой, находится в городе Пскове, он так и не смог вернуться на родную землю⁹⁶.

В разговорах с Атабаем коллежский асессор Нафаль старался объяснить отношения, в которых, по его мнению, должны были бы находиться кавказские горцы к российскому императору, и доказывал всю несостоятельность надежд, возлагаемых на турецкого султана. А. Атаев, принимая собеседника за своего единоверца, и даже за учёного мусульманина, был, по-видимому, поражён доводами, основанными на изречениях Корана, и выразил своё согласие с тем, что никто из горцев не слышал подобных речей.

В результате активной деятельности Нафалья, вышел пробный листок газеты «Заря» – на арабском языке, в котором было напечатано воззвание Атабая к жителям Чечни и Дагестана⁹⁷. Однако дальше этого дело не пошло. 12 августа 1864 года Кавказский наместник отказал в разрешении на издание газеты «Заря». Причём мотивировка касалась не финансовой стороны дела, а была продиктована его убеждениями. По мнению главного должностного лица на Кавказе, большинство кавказских мусульман находились «в самом детском состоянии цивилизации», и издание для них газет и журналов на арабском языке было преждевременно⁹⁸.

У чеченцев появился свой журнал, но уже за пределами России, во Франции. В 1933 году Гайдар Баммат, на средства Т. Чермоева основал в Париже журнал «Кавказ» – «орган независимой национальной мысли». Гайдар Баммат, близкий друг и соратник Тапы Чермоева, в эмиграции был женат на Зейнаб, племяннице Тапы⁹⁹.

Вторая половина XIX в. для российской прессы связана с ее становлением на путь коммерциализации. Мощным толчком для развития прессы явились либеральные решения, принятые правительством: снятие с газет ограничений на публикацию частных объявлений и рекламы (май 1862 г.); введение Временных правил печати в 1865 г., поощряющих издание частных газет и журналов, позволяющих распространять их на улице. К концу 80-х гг. с уже-

сточением цензуры многие издания вообще утратили политическое лицо. Кроме того, в 1886 г. министр внутренних получил право запрещать «провинившимся» газетам печатать частные объявления, что было основным источником их доходов¹⁰⁰. Показателем нового времени было издание в 1881-82 гг. во Владикавказе «Владикавказского листка объявлений» – первой частной газеты на Северном Кавказе¹⁰¹. К концу XIX века в Грозном работала единственная частная типография. Она была открыта в 1888 году владикавказским мещанином С.И. Тюковым¹⁰². Именно в этой типографии стали издаваться первые частные газеты, в том числе и газета «Терек», о закрытии которой писали во втором номере «Ставропольские губернские ведомости» (за 1891 г.). В Ставропольской газете говорилось «... о кружке служащей, следовательно, с ограниченными средствами к жизни, интеллигенции, давшей средства к изданию...газеты «Терек», приостановившейся вследствие перенесения потом цензуры из Владикавказа в Тифлис...»¹⁰³.

Деятельность царской цензуры

Российское правительство заботилось о сохранении государственного строя империи. Для контроля за печатью, был создан мощный аппарат цензуры. «Цензура есть государственное учреждение, имеющее обязанностью охранять в пределах печати существующий на основании законов государственный строй», – зафиксировано в «Сборнике узаконений и распоряжений правительства по делам печати» за 1878 год. Имея в виду большое влияние печати на общественное сознание, цензура особенно следила за назначением благонадежных лиц на должности издателей и редакторов. «Пустить в народ сотни добровольцев – проповедников с неизвестными и чаще всего зловредными наклонностями и целями и потом гоняться за ними с бессильными полицейскими мерами, прихлопывать одно какое-нибудь издание и на его место разрешать десяток других, столько же и даже еще более вредных изданий, не есть ли это в самодержавном государстве чистый абсурд, ведущий к развращению населения и к принижению самого принципа самодержавия, сущность которого, по понятиям русского народа, состоит в отеческой попечительности о народном благе, в последовательности действий и в непререкаемом авторитете», пишет Ф. Еленев, имея в виду русские периодические издания¹⁰⁴.

Николай Ильич Воронов – сподвижник А.И. Герцена и Н.П. Огарева, член революционной организации в Петербурге «Земля и воля», с 1877 года являлся главным редактором газеты «Кавказ», на страницах которой неоднократно публиковались материалы о Чечне и Дагестане, критиковавшие политику местной администрации. Жизненный путь Н.И. Воронова был весьма тернист. Некоторое время он вынужден был скрываться за границей, затем приехал на Кавказ. 14 сентября 1862 года наместник на Кавказе князь А.И. Барятинский, во время своего пребывания в Царском селе, пишет своему помощнику барону К.А. Крузенштерну: «Я должен обратить ваше внимание на известного Воронова, учителя гимназии в Тифлисе, он, как мне его описали, из красных. Велите хорошенько наблюдать за его действиями, а также за действиями всех кавказских воспитанников, высланных из Петербурга за университетские беспорядки. Примите надлежащие меры против ввоза на Кавказ всех запрещенных произведений, как «Колокол». Вскоре Воронов был арестован. Просидев 6 месяцев в Петропавловской крепости, из-за недостатка улик он был освобожден и сослан на Кавказ. По рекомендации начальника Горского управления при кавказском наместничестве Д.С. Старосельского Н.И. Воронов возглавил в Тифлисе два специальных издания: «Сборник статистических сведений о Кавказе» и «Сборник статистических сведений о кавказских горах», позже он возглавил газету «Кавказ». Большая дружба связывала Н.И. Воронова с П.К. Усларом¹⁰⁵.

Кавказский цензурный комитет, находясь под ведением общей цензуры, кроме цензурного устава и изданных для него законоположений, руководствовался еще инструкциями наместника, что делало его работу в некотором смысле не зависимой от центра¹⁰⁶. «Практика этого комитета... совсем неизвестна», – признавали позже составители «Сборника действующих законов по печати» в 1878 году¹⁰⁷. Штат Кавказского цензурного комитета, который был утвержден в 1874 году, и усилен в 1884 году, продолжал оставаться неизменным после 1903 года. В его составе находились: один председатель, два старших и два младших цензора, секретарь. Главной частью на Кавказе князь Г.С. Голицын неоднократно (1900, 1902 и в 1903 г.г.) обращался в высшие инстанции с просьбами пополнить штат Кавказского цензурного комитета одним помощником инспектора типографии и одним младшим цензором. Он считал, что при наличии такого количества подведомственных заведений у инспектора типографий и книжной торговли для выполнения всех обязанностей, предусмотренных инструкцией, «не хватит и календарных дней». Министр финансов отклонил эти прошения.¹⁰⁸

Кавказский цензурный комитет был создан в 1848 году, он подчинялся Министерству внутренних дел – главному управлению по делам печати. На комитет возлагался надзор за издаваемыми в Кавказском крае журналами, газетами, а также он проверял ввозимую и вывозимую литературу. Работа комитета продолжалась до 1906 года, когда вопросами печати на Кавказе стал заниматься Тифлисский комитет по делам печати¹⁰⁹. Постоянный рост книгоиздания, количества полиграфических и книготорговых предприятий, увеличение числа частных периодических изданий по всей стране заставляли администрацию реформировать систему цензурных учреждений. Повсюду остро ощущалась нехватка квалифицированных чиновников, способных выполнять обязанности цензоров. Вся цензура была разделена на внутреннюю и иностранную, а внутренняя, в свою очередь, на светскую и духовную. Внутренняя цензура рассматривала все произведения словесности, наук и искусства, издававшиеся внутри государства на любых языках. Работа цензора, исполнявшего обязанности по внутренней цензуре, заключалась в следующем: он просматривал рукопись, делал в ней пометки против мест, по его мнению, нарушавших цензурные правила, затем предоставлял право автору или издателю исправить это место, а потом подписывал рукопись к печати и в дальнейшем нес за нее ответственность¹¹⁰. В составе Кавказского цензурного комитета был инспектор по надзору за типографиями и книжной торговлей, чиновники просматривали произведения не только на русском и иностранных языках, но также на национальных и восточных наречиях. Надзору цензурной инспекции были подвержены не только типографии и литографии, но и библиотеки, число которых с каждым годом все увеличивалось¹¹¹. Начиная от первого цензурного Устава 1804 года и до закона 6 апреля 1865 года, повсеместно для издания книг существовала предварительная цензура¹¹².

Высочайший Указ от 31 января 1809 г. запретил печатать любые книги без разрешения цензуры, а предписание министра народного просвещения от 10 августа 1809 г. наложило запрет на публикацию в периодических изданиях всякой политической информации. Сведения о положении России можно было черпать только из официальных «Санкт-Петербургских ведомостей». С 1814 г. единственным источником информации о военных действиях стал «Военный журнал», издаваемый при Главной имперской квартире. Остальные издания могли только перепечатывать его публикации. В Публичной библиотеке возник недоступный для читателей «спецхран», где хранились запрещенные газеты и романы.

По циркулярам 1818 г., обо всем, касающемся правительства, можно было писать «только по воле самого правительства, которому лучше известно, что и когда сообщить публике». С 1819 г. было запрещено цитировать в прессе законы. Любая самостоятельная критика действий генералов, государственных чиновников или учреждений встречали гнев цензуры, и весной 1820 г. была полностью запрещена. В 1825 г. запретили публикации о военных поселениях, кроме одобренных Аракчеевым. Применительно к поэзии и литературы в деятельности цензуры преобладали мотивы нравственно-этические в их официозном понимании. У А.С. Пушкина вызывало ярость превращение «суки цензуры» в полицию нравов, которая бесцеремонно уродовала поэзию в ущерб гармонии и здравому смыслу. В «Кавказском пленнике» цензура не пропустила выражения «небесный пламень» и «долгий поцелуй». В строке «И много радостных ночей / Судьба на долю ниспослала» нецеломудренное слово «ночей» было заменено сочетанием «ей дней», которое противоречило смыслу, поскольку черкешенка могла встречаться с пленником только по ночам¹¹³.

Местная русская печать на Кавказе, находившаяся в подчинении военного командования, способствовала политической и экономической колонизации края, вплоть до поддержки военных акций царизма против коренного населения¹¹⁴. По мнению власти «...Нужно было употребить меры, чтобы обитатели Кавказа сделались русскими не по одному географическому положению, установившемуся в силу обстоятельств, не по гнёту только неотразимого могу-

щества, но и в самих взглядах и убеждениях своих, нужно было образовать, в этой чуждой среде, русскую национальность»¹¹⁵. Большинство документов, повествующих об отношениях горских народов с Россией, писалось на русском языке. Та часть документов, которая создавалась на арабском, турецком, и др. языках, сразу же после попадания в русские государственные учреждения переводилась на русский язык¹¹⁶.

Рукопись И. Бларамберга, написанная в 1834 году на французском языке, появилась в свет в пору ведения Кавказской войны, и поэтому сведения ее сочли секретными, вследствие чего данная работа была отправлена в архив с грифом «совершенно секретно». Ею могли пользоваться только офицеры Генштаба. Иоганн Бларамберг – иностранец на русской службе – более 2-х лет пробыл на Кавказе как инженер-топограф. За это время он собрал интереснейший историко-этнографический материал о населении региона, который и по сей день, не утратил своей ценности¹¹⁷.

3 июня 1858 года новый министр народного просвещения Е.П. Ковалевский получил от управляющего военным министерством князя В.И. Васильчикова перечень сведений, которые должны были в обязательном порядке подлежать военной цензуре. Перечень включал в себя: «1. Статьи теоретические и политические, по предметам стратегии, тактики, военной статистики, артиллерии и вообще военных наук. 2. Отдел военной истории, всех времен – из отечественных войн, – все без изъятия; из прочих же, в которых не участвовали русские войска, те только походы, описание которых сопровождается военно-ученой оценкой действий обеих сторон, и, наконец, 3-е. Все, что относится до военной администрации. Этот отдел военной литературы, требует особого наблюдения, ибо статьи этого рода могут быть иногда же весьма вредны, смотря по направлению»¹¹⁸. В. Немирович – Данченко поместил в «Русских ведомостях» путевые заметки, озаглавленные «Вдоль Чечни», в которых он возражал против огульных обвинений, которые просто «сыпались» на чеченцев. В силу большого интереса к этому материалу, редакция газеты «Северный Кавказ» перепечатала данные статьи, но со значительными сокращениями «... по независимым от редакции обстоятельствам», о чем было сообщено читателям в примечании¹¹⁹. Таким образом, работало одно из направлений царской цензуры.

Управляющий военным министерством князь В.И. Васильчиков предложил повсеместно ввести следующие правила цензуры:

«Цензор обязан не допускать в печать:

1. Статьи, оскорбительные для чести русского войска.
2. Статьи, могущие поколебать понятие о дисциплине и уважении к ней; мнения, подрывающие уважение подчиненных к лицам начальствующим и ослабляющие доверие к правительству.

3. В статьях, относящихся к армии и военной администрации вообще, не допускать ничего противного тому значению, которое наша армия имеет по законам в государстве; ничего, могущего ослабить уважение публики к нашему военному сословию, и никаких предосудительных сравнений с иностранными порядками, несогласными с установленной формой нашего правления»¹²⁰.

В 1859 году был учрежден Комитет по делам книгопечатания для организационного контроля над печатным делом. В 1863 году руководство цензурой и политикой в сфере печати были переданы в Министерство внутренних дел, упразднены ведомственные и специальные цензуры. Правила о цензуре и печати 6 апреля 1865 года внесли существенные перемены в цензурную политику, но по-прежнему не меняли общеправового подхода к печати. Политическое отношение к возможности внедрения в законодательную идею принципа свободы печати и к сопутствующим тому общественным настроениям проницательно высказал вскоре после опубликования Закона 1865 г. управляющий III Отделением и шеф корпуса жандармов граф П.А. Шувалов: «Свобода печати несовместима с нашим образом правления, она возможна

лишь в конституционном государстве, где она служит дополнением свободе слова. Свобода печати составляет не первый, а второй фазис народной свободы... Где не существует свободы слова, там всегда свобода печати является слишком опасным оружием против правительства». Уложение о наказаниях 1866 года, реагируя на обновление цензурных требований, уже сформулировало специальный вид преступлений, совершаемых «путем печати», причем печатная форма не служила смягчающим вину обстоятельством¹²¹.

Мусульманским духовным лицам запрещалось без особого разрешения главноначальствующего гражданской частью на Кавказе обращаться к иностранным духовным или иным властям за какими-либо наставлениями или разъяснениями, в том числе, получая их и в напечатанном виде, в форме буклетов, брошюр или книг. В случае получения таковых они были обязаны немедленно представить их гражданскому начальству. За их укрывательство следовало уголовное наказание. Сбор и отправка за границу благотворительных средств, без предварительного согласия Духовного Правления и разрешения наместника запрещались и также преследовались по закону¹²².

Так называемая «эпоха цензурного террора» (1848–1855 гг.) сменилась «эпохой цензурных реформ» конца 1850-х – начала 1860-х гг., завершившейся принятием «Временных правил о цензуре в печати 6 апреля 1865 г...». «Временные правила имели силу закона и освободили от предварительной цензуры большинство столичных газет и журналов¹²³. Присылка литературы из цензурных комитетов являлась одним из важных источников комплектования библиотечных фондов¹²⁴. 18 ноября 1863 г. вышел Указ Александра II («определение» Синода, выс. утв.) «О предоставлении Обществу восстановления православного христианства на Кавказе права печатать церковную литературу на горских наречиях и на грузинском языке – под собственную цензуру»¹²⁵. Александр II также настоял на освещении в печати событий Кавказской войны, что было буквально прорывом в глухой завесе тайны, окружавшей этот вопрос. Д.А. Милютин вспоминал, что при Николае I не допускалась публикация известий о военных действиях на Кавказе, что этим пользовались в Европе, «распуская в иностранных газетах всякие ложные и нелепые сведения». Александр II, обратив внимание на неудобства и бесцельность существующей системы, приказал в апреле 1857 года напечатать в официальной военной газете «Русский инвалид» обзор происходивших в течение 1856 г. военных действий и «впредь публиковать известия с Кавказа, как в «Русском инвалиде», так и в брюссельской газете «Le Nord»¹²⁶.

Основную проблему для военной цензуры во все времена составляли сообщения из действующей армии, непосредственно с мест боевых действий, которые могли взволновать население страны или дать повод для пересудов иностранцев. При председателе Военно-цензурного комитета А.И. Михайловско-Данилевском (1789–1848) ее разрешили самым кардинальным способом, запретив писать на эту тему вовсе: «... не позволять на будущее время к напечатанию в «Русском инвалиде», ниже в других изданиях, подлежащих военной цензуре, никаких известий, относящихся до новейших событий на Кавказе, откуда бы известия сии издателям почерпнуты не были». Позже сообщения о военных действиях все же разрешили публиковать, но только в «Русском инвалиде», откуда остальные издания могли их заимствовать. Книги продолжали подвергаться тщательной цензуре. Так, например, из книги П.П. Зубова «Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год» были изъяты приложения с рескриптами императора к главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом. Статью П.Н. Глебова «Воспоминания армейского офицера» запретили за неприличные выражения в адрес гусарских офицеров, сравнение казачьего лагеря с цыганским табором¹²⁷.

Одним из самых важных и спорных аспектов цензурной реформы была система административных взысканий за так называемое «вредное направление», заимствованное из французского законодательства. С момента введения Временных правил 6 апреля 1865 г., чаще всего

действия правительства в отношении периодической печати заключались в раздаче предостережений газетам и журналам, освобожденным от предварительной цензуры. После трех из них следовала приостановка издания сроком до 6 месяцев с возможным судебным разбирательством и полным закрытием тех из них, которое будут признаны «особо вредными». Характерно, что действие закона распространялось только на Петербург и Москву, поскольку в провинции было достаточно своих собственных возможностей для контроля за местной печатью¹²⁸.

Традиция правового регулирования печати в дооктябрьской России основывалась на представлении о печати как о носителе «зла» и общественной розни. Родившись в лоне борьбы с ересями и существуя в мире всемерного пресечения отклонений от официальной идеологии, государственный закон проводил полицейско-охранительный взгляд на печать. И на подлинно правовых основаниях гражданской свободы закон мог строить свои отношения с печатью только в соответствующих политических и идейных условиях. Конкретный правовой путь перехода от всемерной административной регламентации к конституционной свободе слова был намечен, в частности, программой партии конституционных демократов. Однако даже в конце XIX столетия конституционное провозглашение «свободы слова и печати» так и оставалось на уровне общеправовой декларации¹²⁹. Генерал А.А. Вельяминов не раз повторял своим подчиненным: «Помните, господа, что на Кавказе есть много людей в черных и красных воротниках, которые следят за вами и за нами...»¹³⁰.

Курс контрреформ, взятый в 1881 г. Александром III, преследуя политические цели, ослабил и созидающий потенциал свободной прессы в военной сфере. Баланс гласности и секретности был вновь смещен, и очень существенно, в пользу закрытости армии от общества. Уже 27 марта 1882 года был издан приказ по военному ведомству, который восстановил дореформенный порядок публикаций офицеров в прессе: запрещалось распространять через печать, по сути, любую служебную информацию без «надлежащего разрешения». Для солдат в 1893 г. была введена инструкция, которая вообще запретила им сотрудничество с печатью. Принятый в 1886 г. Устав о печати и цензуре во многом повторял положение Устава о цензуре 1828 года. Цензурными циркулярами от 12 августа и 24 ноября 1886 г. была запрещена критика общих порядков в военном и морском управлениях, а также высших военных чинов. В 1892 году от контроля общественности и прессы была избавлена вся армия, поскольку последовало приказание не печатать статей, «...оскорбительных для чести русских войск, ослабляющих уважение публики к военному сословию»¹³¹. В одном из своих писем с Кавказа (1837 г.) генерал К.К. Фези сообщает: «...Так как в русских газетах никогда не опубликовываются здешние донесения о военных действиях, то естественно, что и я также не могу распространяться в моих письмах об этом...»¹³².

Турецкие агенты широко распространяли турецкие газеты и журналы на Кавказе, чем подрывали положение стабильности в крае. В архивном фонде Департамента полиции МВД России сохранились переводы с турецкого языка наиболее радикальных статей из этих журналов. Также среди горского населения тайно распространялись отдельные листовки, воззвания и призывы на турецком и русском языках. Часть их была издана в Махачкале. Министерство печати России пыталось контролировать распространение исламской литературы в мусульманских регионах империи. В 1910-е годы российская администрация и Департамент полиции начали собирать данные о влиянии турок, проживавших на Кавказе, об их роли в местном исламском духовенстве. В Государственном архиве Российской Федерации содержатся списки лиц, состоявших в турецком подданстве и работавших в сельских мусульманских школах и мечетях. Эти списки составлялись местными жандармскими управлениями. Сохранился документ начальника Терской области от 9 марта 1912 г., в котором приводятся сведения о лицах, прибывших на Северо-Восточный Кавказ для подготовки кавказских мусульман к вос-

станию. Они проводили собрания мусульман и собирали деньги. Мулла Сеид Салих Гусейнов, будучи турецкоподданным, проживал в чеченском селе Старо-Сунженском, откуда отправился в Мекку. Там, «... под распущенными знаменами правоверных в присутствии массы паломников, в том числе 200 уроженцев Кавказа, провел митинг, на котором произнес антироссийскую речь». И такие случаи накануне революции 1917 г. были далеко не единичны¹³³.

Начало работы просветительских обществ и организаций на Кавказе

Значительный вклад в дело образования населения на Северном Кавказе внесли разные просветительские общества. Общество восстановления православного христианства на Кавказе в период с 1860 по 1880 год издало чеченский, сванетский, абхазский буквари с переводом их на русский язык¹³⁴. Этим же Обществом строились церкви, учреждались школы и стипендии для горцев в разных учебных заведениях. Общество восстановления православного христианства на Кавказе способствовало переводу на языки горцев Священного писания и богослужебных книг¹³⁵. Русское печатное слово начинало играть особую роль в русско-кавказских отношениях; в процессе своего развития оно из рупора царской администрации постепенно превращалось в могучее средство воспитания народных масс¹³⁶.

Терский областной статистический комитет открылся в 1872 году, но только в 1878 году его секретарю Н. Благовещенскому удалось выпустить первый «Сборник сведений о Терской области». Всего комитет выпустил 24 «Календаря» и один «Адрес-календарь», 7 томов «Сборников», один «Сборник сведений о Терской области», один том «Статистических монографий по исследованию станичного быта Терского казачьего войска», отдельно изданный «Список населенных мест Терской области (по данным к 1 июля 1914 года)», один «Статистический ежегодник: Обзор Терской области за 1914 год», семь выпусков (в 2-х томах) «Статистических таблиц населенных мест Терской области»¹³⁷. Часть тиража, около 100 экземпляров практически любого провинциального статистического комитета распространялась бесплатно по рассылке. Кроме того, «на основании общепринятого правила взаимного обмена» издания рассылались в губернские и областные статистические комитеты, с которыми существовала договоренность об обмене.

Терское отделение Императорского Русского технического общества «выросло на нефтяной почве». Терское отделение было ознакомлено с прогрессом нефтяного дела за границей, благодаря посещению его членами международных выставок и конгрессов. За 10 лет своего существования (с 1900 г.) Терское отделение успело собрать довольно обширную библиотеку технического и отчасти общего характера. Но каждый раз при комплектовании библиотеки, из-за большого количества иностранных изданий, возникали проблемы с Цензурным комитетом. Терское отделение императорского русского технического общества вынуждено было обратиться с ходатайством об освобождении от цензуры изданий научных, технических и промышленных конгрессов¹³⁸.

«Общество покровительства животным» было открыто 4 мая 1877 года в Тифлисе. В основу устава Общества была положена идея гуманного и сострадательного отношения к животным¹³⁹. Общество старалось охранять животных «...от напрасных мучений и жестокого обращения». Общество издало брошюру «Что сказала бы лошадь, если бы умела говорить?» на грузинском и азербайджанском языках и раздавало ее бесплатно. Общество также обратилось с ходатайством к военному губернатору Дагестанской области, на которое получило уведомление, «что им сделано распоряжение к устранению случаев варварского истребления собак в городах области, а также и к оказанию членам Общества чинами местной полиции возможного содействия...»¹⁴⁰. В 1880 году Обществом была открыта в Тифлисе ветеринарная лечебница. В 1885 году в лечебнице была оказана помощь 835 животным, в 1887 – 1743 животным. Больные животные принимались в лечебницу как стационарно, так и амбулаторно – за плату (бедных принимали даром)¹⁴¹.

В армии создавались разнообразные научные общества. Одной из целей подобных обществ стало улучшение работы над первоисточниками – документами войсковых и частных архивов, что способствовало постановке на должную высоту проблем русской военной истории. В 1898 г. было образовано «Общество ревнителей военных знаний», имевшее свой печатный орган: «Вестник Общества ревнителей военных знаний», который редактировал Л.В. Евдокимов. Большую и плодотворную работу проделал Военно-учебный комитет Генерального штаба по приведению в порядок военных архивов, по публикации документов, по созданию научных трудов, обобщая опыт войн с середины и до конца XIX века. Такие видные военные историки, как Н.С. Голицын, Н.Ф. Дубровин, А.Н. Петров приняли активное участие в работе этого комитета. 27 марта 1879 г. император одобрил предложение Д.А. Милютина о создании Временной военно-исторической комиссии для составления официальной истории войн в последней четверти XIX века. В связи с этим развернулась работа по разработке архивных фондов, что в свою очередь оказало существенное влияние на эволюцию документальных публикаций по военной истории. Способы введения в научный оборот новых архивных источников были следующими: издание многотомных публикаций, не ограниченных строго ни определенной тематикой, ни узкими хронологическими рамками; выпуск тематических сборников, посвященных одной из войн; перепечатка документальных материалов в приложениях к военно-историческим исследованиям и воспроизводство отдельных документов или фрагментов из них в периодических изданиях¹⁴².

Первые архивные учреждения на Кавказе

Первым учреждением на Северном Кавказе, в которое стекались кавказские письменные корреспонденции, был, возможно, Архив Кизлярского коменданта, фонд которого начал составляться с 1745 года. Именно Кизлярский архив бывшего комендантского управления был подвергнут обзору раньше всех других, именно в 1876 году, и так как он оказался в весьма печальном состоянии, то три тысячи томов архивных дел были переведены в 1882 году в город Владикавказ. Таким образом, наиболее ценные старинные документы Кизлярского комендантского архива оказались в Терской области¹⁴³. Позже архивы статистических столов Кубанского и Терского областных правлений (они проходили по первому отделению), так же как и неисполненные бумаги, были переданы во вновь созданные статистические комитеты.

В 1873 г. по инициативе известного ученого – архивоведа Н.В. Качалова, была образована при Министерстве народного просвещения временная комиссия по приведению в известность и составлению описи архивов, принадлежавших различным ведомствам, как в столицах, так и в провинции. В 1874 г. из 541 пуда дел Дмитриевского крепостного архива, где хранились дела по истории Кавказской армии, 283 пуда были выделены и проданы с аукциона. Таким образом, погибло безвозвратно более половины того, что хранилось в архиве (истории кавказских полков, Ростовской полиции, сведения о турецких эмиссарах на Кавказе и т. д.). Известный историк И.Д. Попко посетил оскудевший архив и, опасаясь за дальнейшую судьбу этого ценного материала, обратился с просьбой в Военное министерство разрешить ему перевезти архив в Ставрополь и сдать дела на хранение в Ставропольский военный архив. В октябре 1876 г. весь архив Дмитриевской крепости в количестве 48 тюков был доставлен в Ставрополь и сложен в военном архиве.

Благодаря особой роли г. Ставрополя, как места расквартирования многих частей и полков, входивших в состав Кавказской армии, а также сосредоточению органов управления этой армии, в Ставропольском военном архиве скопилось 187 862 дела, преимущественно относящихся к истории завоевания Северного Кавказа и покорения горцев. В виду такого огромного накопления дел в 1881 г. Главным военным штабом была назначена Комиссия для разбора документов Ставропольского военного архива. Требовалось выделить из общей массы такие дела, которые заключали в себе исторические материалы. 8 лет работала эта Комиссия и результатом ее деятельности было уничтожение множества документов. Председатель Ставропольской архивной комиссии Г.Н. Прозрителев с горечью рассказывал в одной из своих статей, что ему лично приходилось покупать в Ставрополе яблоки, завернутые в мешки, склеенные из дел Дмитриевской крепости; на некоторых таких мешках ему удалось разглядеть приказы за подписью Суворова. Далее Дмитриевский архив из Ставрополя был перевезен во Владикавказ. Но и здесь архив долго не залежался. Неутомимый исследователь боевого прошлого Кавказской армии полковник Б.С. Эсадзе, узнав о нем, выхлопотал у Военного министерства разрешение перевезти эти дела в Тифлис, где они были помещены в Военно-историческом музее¹⁴⁴.

Вопрос о создании Ставропольской губернской ученой архивной комиссии назрел задолго до ее учреждения. Еще в 1886 г. известный исследователь Северного Кавказа, секретарь Ставропольского губернского статистического комитета И.В. Бентковский подавал ходатайство об организации в г. Ставрополе архивной комиссии, которое не было удовлетворено. Между тем все основания для создания архивной комиссии в Ставропольской губернии были. Это, прежде всего, наличие значительных комплексов документальных материалов, сохранность которых не обеспечивалась должным уровнем. «При русской преступной халатности нам через несколько десятков лет придется писать историю России по иностранным источникам...», – с горечью констатировал современник, оценивая ситуацию в архивной отрасли Северного Кавказа. В старых бумагах видели «ненужный хлам», который выбрасывали, сжи-

гали, использовали для переплетов книг, оклейки стен, в качестве оберточной бумаги (фикси- ровались случаи, когда на рынке г. Ставрополя в документы XVIII в. заворачивали продукты). Иногда документы покупались вместе с яблоками, на рынке, в качестве упаковки, приобретали и указы Петра I и Екатерины II, изданные при их жизни¹⁴⁵. Вопрос сохранения и разбора цен- ных исторических документов не мог не беспокоить Кавказскую администрацию. Разрешить сложившуюся ситуацию пытались путем создания специальных «комиссий для разбора дре- вних актов», задачей которых было избавление от «лишних» бумаг и документов путем списа- ния их к уничтожению. Одна из таких комиссий, назначенных по распоряжению Генерального штаба, работала в 1881–1889 г. по разбору документов Ставропольского губернского архива. В результате ее деятельности по выявлению документов, «закрывающих в себе исторические материалы», из 187 тыс. 862 дел на постоянное хранение было оставлено лишь 6 тыс. 190 дел, остальные были уничтожены. Так погиб почти полностью один из богатейших архивов Север- ного Кавказа.

С конца 60-х гг. XIX в. право уничтожения архивных документов всецело было пере- дано представителям местной власти, более заинтересованных в «разгрузке» своих архивов от ненужных бумаг». Все это значительно ускорило процесс уничтожения архивных матери- алов и привело к безвозвратной потере ценных исторических источников. Необходимость пре- образований была очевидна. Перестройка государственного аппарата в ходе преобразований 60-70-х гг. XIX в. привела к изменению сети ведомственных исторических архивов и остро поставила вопрос о сохранении документального наследия. Массовое уничтожение докумен- тальных материалов, перегруженность архивов и огромное количество архивных бумаг доре- форменных учреждений, выброшенных, по сути, на улицу, – вот печальная картина состояния архивной отрасли страны того времени. По архивным правилам уничтожению по истечении 10 лет хранения подлежали следующие категории дел: дела о передвижении и расквартирова- нии войск; о высылке лиц; послужные списки чиновников, за исключением «... служивших собственно по правлению». Ежегодно архивы инспектировались полным присутствием прав- ления. По результатам проверки издавалось постановление о том, «в каком положении архив найден, что и какими мерами должно быть исправлено и улучшено». В 1880 г. при штабе воен- ного округа в Тифлисе был образован военно-исторический отдел, в задачи которого входил разбор архивов Владикавказа, Кизляра, Моздока, Нальчика, Грозного, ряда казачьих станиц и сохранение письменных источников. Военно-исторический отдел под руководством генерала И.С. Чернявского издал несколько томов документов и материалов по истории Кавказской войны¹⁴⁶.

Частные, казенные и общественные библиотеки

В первой половине XIX века военными на Северном Кавказе создаются первые очаги книжности, что нашло выражение в организации различного вида библиотек: частных, казенных, общественных. Содержание фондов в таких учреждениях, призванных способствовать профессиональному и нравственному развитию военных, составляли книги военного и специального характера (75 %), а также художественные и иные произведения (25 %). На открытие библиотек – центров просвещения военной интеллигенции, возникавших повсюду, где квартировали полки Отдельного Кавказского корпуса, – расходовались немалые казенные, а также частные средства офицеров и чиновников. Доступ в библиотеки был открыт для разных слоев населения, в том числе и для горцев. Появление библиотек создавало основу для последующего развития образования и просвещения в регионе.

Одной из разновидностей библиотек, появление которых в конце 40-х годов XIX века было связано с присутствием русской армии на Кавказе, стали собрания медицинских книг при военных госпиталях и лазаретах. В июне 1847 года главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом сообщалось, что император Николай I одобрил предложение медицинского департамента об «учреждении при штабах войск и в военных госпиталях библиотек медицинских книг». Согласно правилам, «собрания медицинских книг» учреждались при военных госпиталях 16 классов, в том числе при штабах войск Кавказской линии. Для первоначального составления библиотек и пополнения их фондов с каждого медицинского работника при военных частях ежегодно вычитался один процент получаемого содержания. Книги, «относящиеся до медицины или до вспомогательной оной науки», в состав библиотеки должны были поступать при покупке или в дар. Выбор покупаемых книг зависел от усмотрения медицинского департамента. А собрания военно-медицинских библиотек объявлялись казенной собственностью. Военно-медицинские библиотеки располагались в зданиях госпиталей или лазаретов и находились под надзором и под ответственностью их главных врачей, а также корпусных и дивизионных докторов. При этом пользоваться книгами библиотек имели право все врачи госпиталей и частей войск¹⁴⁷.

Статистические комитеты принимают участие в комплектовании общественных библиотек, иногда пожертвованиями, иногда высылкой книг наложенным платежом. Небольшая часть тиража рассылалась по запросам книжных магазинов и книготорговых фирм. Для большего распространения изданий Терским областным статистическим комитетом в 1893 году было принято решение организовать их комиссионную продажу на книжных складах обеих столиц и всех университетских городах России, что должно было увеличить доходы Терского областного статистического комитета¹⁴⁸. В «Положении» о губернских (областных) статистических комитетах 1860 года непосредственно указывалось на необходимость организации при комитетах библиотек. Они образовывались одновременно со статистическими комитетами и сразу становились их обязательными структурными подразделениями. В Терской области проблемы комплектования библиотек были едва ли не самыми сложными. Терский комитет начал свою активную издательскую деятельность только в 90-е годы XIX века. Учитывая, что финансирование было мизерным, оставалась надежда только на обмен книгами. Однако желаемого эффекта обмен и дарение не приносили. Анализ поступлений показывает, что из 59 полученных по обмену книг только 5 были о Северном Кавказе – в 1891 году, в 1892 году опять 5 книг из 131 полученной по обмену. Удельный вес литературы, посвященной Северному Кавказу, в библиотеке Терского статистического комитета, к её основному фонду составлял 1 к 7. С 1882 по 1900 год библиотека комитета по количеству томов выросла больше чем в 10 раз¹⁴⁹. Прак-

тически закрытой для массового читателя оставалась библиотека Терского областного статистического комитета, в которой был собран богатый краеведческий материал.

Роль имамата Шамиля в деле просвещения горцев

В годы Кавказской войны Шамиль уделял особое внимание просвещению. В его доме была специальная комната, где хранилась уникальная библиотека. Шамиль помогал иноверцам, проживавшим в Дарго-Ведено, столице имамата, приобретать нужные книги, учебники для школ. В библиотеке можно было просмотреть газеты «Русский инвалид», «Кавказ» и даже журналы, которые Шамиль читал с переводчиком. Необходимые для открывшейся школы и библиотеки книги, бумагу, чернила, карандаши привозили из-за военной линии купцы. Шамиль выделял из казны деньги евреям-купцам, которые привозили в столицу все необходимые промышленные товары, вплоть до металла, свинца, оружия и книг (которые нередко по своему воздействию были сильнее пороха...) ¹⁵⁰.

Интересно, что после своего пленения имам Шамиль две недели (с 26 сентября по 7 октября 1859 г.) провел в Санкт-Петербурге, где посетил императорскую Публичную библиотеку, был принят ее директором, бароном М.А. Корфом. В отделении иноязычных книг ему были показаны 22 сочинения о нем на 10 иностранных языках, в Рукописном отделении он с интересом рассматривал восточные рукописи, в книге посещения читателей оставил свой автограф. На вопрос, что ему больше всего понравилось в библиотеке, отвечал: «Более всего меня поразила возможность собрать в одном месте столько источников знания, а более всего я благодарен за необыкновенное радушие и ласку, с которыми был принят». Как в будущем отметил А. Руновский, пристав при пленении, Шамиль все свободное время и в Петербурге, и в Калуге проводил за чтением рукописей. Примечательно, что он всюду, во всех перипетиях войны возил с собою библиотеку, в которой было много рукописных книг. Шамиль, духовный глава горцев, прошедший в свое время все ступени мусульманского образования (арабский язык, риторика, логика, философия), был эрудирован в области коранических наук, исламских традиций и мусульманской философии ¹⁵¹.

О Шамиле много писали в Западной Европе уже при его жизни. Интерес к этой колоритной фигуре, противостоявшей в неравной борьбе огромной империи в течение многих лет, был чрезвычайный. В 1850 г. в Париже вышла обстоятельная книга под названием «Письма с Кавказа и Крыма». Автор издания – известный швейцарский публицист XIX века Жий, как видно по содержанию книги, насыщенности материала и профессионализму, человек весьма компетентный, прекрасно владеющий изяществом пера, знаток истории и этнологии Кавказа, военного дела и искусства, политики России и европейских держав в этом регионе. По рекомендации близкого царю генерала Мердера он, как человек, обладающий широким кругом познаний, владеющий в совершенстве европейскими языками и литературой, был в свое время определен вторым наставником, после русского поэта В.А. Жуковского, к цесаревичу Александру II. Одним из ярких своих впечатлений от пребывания на Кавказе Жий считал встречу с Шамилем. Вождь произвел на Жия впечатление яркой личности, мужественного человека, имеющего ранения, отличающегося спокойствием и рассудительностью. Жий посетил ставку Шамиля в Дарго (Ичкерия), что впоследствии и описал в своей книге ¹⁵². В 1854 г., когда еще шла война на Кавказе, в шведском городе Упсале на шведском языке была опубликована книга доктора Фридриха Вагнера в переводе с немецкого «Шамиль как военачальник, султан и пророк на Кавказе» объемом в 80 страниц с превосходной иллюстрацией, на которой молодой Шамиль был изображен на коне в окружении других всадников – сподвижников имама ¹⁵³.

Отправляясь в 1858 г. в Россию, знаменитый французский романист Александр Дюма обещал читателям своего журнала «Монте – Кристо» «посетить стан Шамиля, этого другого Титана, который в своих горах борется против русских царей». Однако война подходила к концу и предполагаемая встреча не состоялась. Русская пресса не обошла вниманием визит

знаменитого писателя, не упуская случая дать волю иронии. В 1858 году в Петербурге вышел в свет альбом карикатур Н. Степанова «Знакомые», в котором несколько рисунков были посвящены путешествию Дюма по России. Есть сюжет, обыгрывающий неосторожное обещание писателя встретиться с Шамилем. А. Дюма крепко держит за одежду отбивающегося от него Шамиля, а тот молит о пощаде: «М-г Дюма, оставьте меня в покое, я спешу отразить нападение русских». Но Дюма до этого нет дела, он отвечает: «Об этой безделице можно подумать после, а теперь мне нужно серьезно переговорить с вами: я приехал сюда, чтобы написать ваши записки в 25 томах и желаю сейчас же преступить к делу». Так петербургская публика посмеялась над желанием романиста встретиться с Шамилем. Вернувшись во Францию, Александр Дюма выпустил три тома путевых заметок под общим названием «Кавказ», которые пользовались значительным интересом и переиздаются до сих пор¹⁵⁴. Шамиль «являлся» и на Парижской сцене в пяти – актовой и девятикартинной драме по произведению Поля Мериста. В одном из актов Шамиль разбивает клетку и улетает на волю. Затем он приходит на выручку черкесам, поднимая огромный утес, закрывавший тайный ход в горах и дает, таким «волшебным» образом, горцам уйти от преследования русских... Это театральное зрелище действовало очень впечатляюще на французскую публику¹⁵⁵.

Библиотеки Терской области

Администрация Кавказского края много внимания уделяла открытию архивов, библиотек, музеев. В первые послевоенные годы М.Т. Лорис-Меликов, как человек умный и просвещенный, способствовал открытию в Терской области сети библиотек. Библиотеки имелись в областном и межвом правлении, в войсковом хозяйственном правлении, в штабе войск. В 1874 году при Терском областном правлении, на средства, отчисляемые из жалования чиновников правления, была открыта библиотека. Долгое время она была единственной, где была сосредоточена литература по истории и географии Кавказа¹⁵⁶. В 1873 году библиотеки Владикавказа получили 731 экземпляр разных периодических изданий, в 1874 году эта цифра увеличилась до 885 экземпляров. Получалось, что один экземпляр газеты или журнала приходился в среднем на 2-3 жителей областного центра. В клубе Владикавказа была библиотека, в каталогах которой насчитывалось 4100 томов различных изданий, кроме того, библиотека выписывала до 50 экземпляров периодических изданий. В 1899 году было основано во Владикавказе «Общество народных чтений Терской области». Оно проводило много различных литературно-музыкальных вечеров и народных чтений среди населения¹⁵⁷.

Владикавказская публичная библиотека возникла благодаря стараниям педагога-просветителя Варвары Григорьевны Шредерс (1852-1902) и ее единомышленников. При создании библиотеки не было помещения, не было книг, не было денег. Но это не остановило Варвару Григорьевну. Она со своими соратниками активно приступила к сбору пожертвований. И эти усилия увенчались успехом. Владикавказская публичная библиотека распахнула свои двери для читателей. Первоначально ее фонд состоял из 50 пожертвованных книг – скромное, но в итоге оказавшееся победным началом. За книгами стали приходиться учащиеся, студенты, учителя городских школ, рабочие, солдаты, домохозяйки, приезжие. Книжное собрание быстро пополнялось – уже в 1911 г. оно насчитывало 7 174 наименования (в настоящее время библиотека содержит 1 300 000 томов)¹⁵⁸.

В городе Пятигорске находилась платная абонентная библиотека. В Грозном первоначально библиотека существовала при горской школе, но уже с 1865 года она стала доступна для всех горожан. Комплектовались школьные библиотеки за счет средств Министерства просвещения из войсковых сумм и, естественно, на пожертвования. Регулярно проводились инспекторские проверки школьных библиотек, осуществлялся контроль за «чистотой» их фондов, изучались акты на списание книг (далеко не всегда устаревшей литературы). Рекомендации по комплектованию библиотек носили зачастую политический характер. Горским училищам и школам рекомендовалось выписывать для детских библиотек книгу «Русские горы и кавказские горцы», а для фундаментальных – монографию Н. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе». С середины XIX в. для школьных библиотек преобладает выписка книг из Петербурга (фирма Глазуновых), Москвы (фирма братьев Салаевых), в начале 1880-х гг. в комплектование школьных библиотек активно включились всевозможные «книжные склады»¹⁵⁹. Поток книг на Кавказ значительно увеличился. Во Владикавказской реальной гимназии учащиеся пользовались библиотекой, насчитывавшей 104 наименования книг. Моздокское и Георгиевское училище имели в своих библиотечных фондах 1656 томов.

Основой формирования нравственности признавались тюремные библиотеки. В 80-х гг. XIX в. им стало уделяться гораздо больше внимания, чем раньше. Комитетом грамотности при Императорском вольноэкономическом обществе был подготовлен список различных по тематике книг, рекомендованных для чтения арестантам. В марте 1905 г. были разработаны рекомендации по использованию правил «О тюремных библиотеках и арестантских чтениях». Помимо официальных каталогов и списков книг в тюрьмах разрешалось пользоваться и част-

ными каталогами, после их дополнительной проверки. Научно-популярные и художественные периодические издания допускались в российские тюрьмы беспрепятственно. Периодические издания, посвященные обсуждению текущих событий, выдавались для чтения арестантам по истечении шестимесячного срока со дня выхода¹⁶⁰.

В пореформенный период в Терской области появились и частные библиотеки, открытые для общественного пользования. Так, в 1874 году во Владикавказе Прохоровым была открыта частная библиотека и кабинет для чтения. В начале 1890-х годов во Владикавказе Е.С. Ильина открывает книжный магазин с библиотекой – читальней, каждое посещение которой стоило 5 копеек, а годовое пользование от 4 до 12 рублей¹⁶¹.

Более 25 лет П.К. Услар собирал материалы по истории Кавказа, работая в архивах Кизляра, Моздока, Георгиевска, Владикавказа и в экспедициях, но смерть помешала ему закончить начатый труд¹⁶². Шифнер разослал экземпляры «Чеченского букваря» Услара не только по крупнейшим библиотекам, но и самым знаменитым на тот период времени европейским филологам¹⁶³. Многие собранные П.К. Усларом архивные материалы были переданы в местные архивные учреждения. В 1860-е годы, когда в области действовала военная система управления, архив, как самостоятельное структурное подразделение и должность архивариуса существовали лишь в 2-х наиболее крупных учреждениях – штабе войск Терской области и канцелярии начальника области. Буржуазные реформы последней трети XIX века оказали существенное влияние на состояние местных архивов. Возникли десятки новых учреждений, в основном гражданских. В начале XX века в Терской области насчитывалось свыше двухсот ведомственных архивов. Должность архивариуса имела в семи архивах: областного правления, окружного суда, духовной консистории, управления межевой частью, почтово-телеграфного округа, земледелия, государственных имуществ¹⁶⁴.

Кавказский отдел императорского Русского географического общества 3 апреля 1851 г. учредил научную библиотеку. Рождение Русского Географического общества относится к 1845 г., когда известные мореплаватели, военные, деятели академической науки, а также отдельные географы и ученые поставили перед правительством вопрос о его создании. Знаменитый мореплаватель Ф.П. Литке подал министру внутренних дел Л.А. Перавскому докладную записку о необходимости организации Русского Географического общества. По его мысли: «Главнейшей задачей Общества сего было бы: собрание и распространение как в России, так и за пределами оной возможно полных и достоверных сведений о нашем Отечестве»¹⁶⁵.

С самого начала функционирования, библиотека Кавказского отделения Русского Географического общества развивалась как общекавказская научная библиотека. Ее коллекция, кроме книг на европейских и русском языках, включала книги исторического, археологического и этнографического содержания на языках кавказских народов и народов Востока. Об этом можно судить по библиографическим спискам книг, которые были подарены библиотеке. В 1862 г. Распорядительный комитет Кавказского отделения Русского географического общества (КОИРГО) вынес решение о приобретении всех изданий о Кавказе или тех, в которых есть что-нибудь, объясняющее его географию и историю. Библиотека КОИРГО не имела своего собственного помещения, и ей приходилось ютиться по частным квартирам. Библиотека была открыта по субботам с 7 до 11 часов. Специфика научной библиотеки КОИРГО состояла в содействии научной деятельности в крае путем предоставления необходимой информации и литературы¹⁶⁶.

Тифлисская публичная библиотека была учреждена 26 апреля 1850 года. Основу ее фонда первоначально составили две книжные коллекции: библиотека канцелярии наместника (6 200 томов) и, купленное в Одессе у Дигурова, кавказоведческое книжное собрание (6 851 том). Комплектованию помогали постоянные пожертвования граждан и главное – обязательно доставляемые в библиотеку Кавказским цензурным комитетом книги, издающиеся на Кавказе

(которые получали в одном экземпляре)¹⁶⁷. Для публики библиотека была открыта 1 мая 1852 года. Обслуживание было бесплатным, ограничения круга читателей по социальным признакам не было. В 1857 году в библиотеке насчитывалось 5 330 названий в 13 260 томах на 19 языках. За год библиотеку посещало около 1 500 человек. Увеличивалось и число прочитанных книг. В 1871 году на одного читателя приходилось 0,41 выданной книги, а в 1884 году этот показатель уже составил 1,79¹⁶⁸. Главная цель Тифлисской публичной библиотеки заключалась в составлении наиболее полной коллекции книг и периодики о Кавказе и сопредельных территориях, а также в обеспечении общепросветительских функций. Специфика Тифлисской публичной библиотеки – архива материалов – абонементное обслуживание не предусматривала, а каждая единица хранения была в единственном экземпляре¹⁶⁹.

Устройству «церковных библиотек, складов религиозно-нравственных книг и брошюр» большое внимание уделяло Владикавказское православное братство. В уставе Терского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности указывается на необходимость заботиться о создании «сельскохозяйственных библиотек и музеев». Главными хранителями культурных традиций, исторических, археологических памятников в дореволюционной России были научные общества и учреждения, губернские ученые архивные комиссии, археологические комитеты, краеведческие общества и музеи.

Работа Русского географического общества на Кавказе

Работа библиотек была строго продумана и регламентирована. Министерство внутренних дел утверждало Устав библиотек. В то время библиотеки делились на две категории: одни из них, согласно правилам 1894 года (примечание к ст. 175 Устава о цензуре и печати), являлись исключительно платными, причем размер платы должен был быть таков, чтобы исключал возможность пользоваться библиотекой лицам низших сословий. Ко второй категории относились бесплатные библиотеки и платные, которые по размеру «взимаемой оплаты» и другим условиям пользования могли быть доступны для лиц низших сословий¹⁷⁰.

В царское время довольно много внимания уделялось охране памятников. Специального законодательства, регулировавшего процесс охраны исторических и культурных памятников, не существовало, не смотря на то, что еще в 1876 г. готовился проект закона об охране памятников. Все государственные проекты конца XIX – начала XX вв. оставались незавершенными. Не смотря на это, культурный уровень в крае продолжал расти даже в тяжелые военные годы¹⁷¹. Особое внимание охране памятников старины уделяло Русское географическое общество. Ещё в ходе Кавказской войны, 10 марта 1851 года состоялось открытие Кавказского отдела Русского географического общества. Е.Г. Вейденбаум, А.Л. Зиссерман были избраны действительными членами этого отдела. Д.И. Святополк – Мирский, начальник Терской области, одно время председательствовал в Кавказском отделе Русского географического общества¹⁷². Массовая организация общедоступных библиотек, музеев, различных просветительных обществ, народных театров и т. д., входивших в систему образования, означала качественно новый шаг в социокультурном развитии дореволюционной России, стержнем которого был процесс демократизации образования, науки и культуры¹⁷³.

Большое научное и общественное значение имело открытие Кавказского отдела императорского Русского географического общества (КОИРГО), который стал первым провинциальным филиалом ГРО. Идея об учреждении КОИРГО возникла в 1848 году в среде военной интеллигенции, поскольку на Кавказе проходили службу многие известные и просто любознательные инициативные люди, занимающиеся сбором и изучением разнообразного материала по истории горских народов. Созная, что выявленный мим материал большей частью остается не востребованным в архивах, ряд общественных деятелей обратились к М.С. Воронцову с предложением «открыть на Кавказе местный отдел РГО, с целью изучения Кавказского края в отношениях: географическом, этнографическом и статистическом». Поддержка наместником начинания, предопределила положительное решение вопроса. Указом Николая I от 27 июня 1850 года был утвержден устав КОИРГО и бюджет общества в 2000 рублей. КОИРГО объединил все малочисленные научные кадры, претендуя на координирующую роль в организации исследований не только в области собственно географии, но также этнографии, статистики, археологии, библиографии и т. д. Не все из намеченного удалось сделать, но открытие филиала самого передового научного общества России в Тифлисе, свидетельствовало о том, что курс «на понимание, через познание» с местным обществом был стратегическим и не ограничился первыми либеральными начинаниями. Многие рекомендации ученых не только были услышаны, но и реализованы на практике. Военное командование на Кавказе вынуждено было, помимо решения собственно боевых задач, решать разнообразные экономические, технические, социальные, земельные и культурные проблемы местного населения. Это – строительство меновых дворов, школ, дорог, мостов через горные реки, плотин против разлива рек на плоскости. Эта неброская, но важная для горцев конкретная работа создавала прочный фундамент добрососедских отношений и оказывала большее влияние, чем военные победы¹⁷⁴.

Первые научные исследования Кавказа

Первые россияне, военные, оказавшиеся на Кавказе, наблюдали местную жизнь и природу с большим интересом. «Мне, – писал один из них, – все тут виденное нравится потому, что оно для меня было ново; европеец, въезжая в пределы Азии, находит отмену против тех обычаев, какие им в его отчизне оставлены, а всякая новость человеку нравится». В «мирных» провинциях «бряцать оружием» не рекомендовалось: «Следовало пройти через мусульманские и татарские провинции без какой-либо демонстрации военной силы, доверяясь единственно уважению, какое питали в стране к русскому могуществу, и тем самым дать свидетельство доверия к туземцам»¹⁷⁵. В декабре 1834 года вышел приказ начальника штаба Отдельного кавказского корпуса, генерала В.Д. Вольховского «О поручении подпоручику Ф.Ф. Торнау «скрытого» сбора сведений о народах Кавказа»¹⁷⁶. В 1879 году на Кавказе побывал известный путешественник, офицер Генштаба России Н.М. Пржевальский¹⁷⁷. Первые общие сведения о растительном покрове Горной Чечни содержатся в трудах русских военных и историков, писавших о событиях Кавказской войны. К их числу относятся работы К. Самойлова (1855), Г.К. Властова (1856), Ф.Ф. Торнау (1869), Н.Ф. Дубровина (1871), А.Л. Зиссермана (1879, 1888), М.Я. Ольшевского (1893) и Э.В. Бриммера (1894)¹⁷⁸.

Кавказ посещался и иностранными естествоиспытателями. Так, например, еще в конце XVIII века Кавказ посетил и изучал местную флору известный французский путешественник и ботаник Жозеф Питон Турнефор (1656–1708). В последующий период флору Кавказа изучают И.Х. Буксбаум (1694–1730), Гмелин (1745–1774), Маршалл Биберштейн (1768–1826). В начале XIX века, несмотря на трудности, связанные с войной против Шамиля, на Кавказ едут многие зарубежные ботаники: Х.Х. Стевен (1781–1864), Дюмон-Дюрвиль (1790–1842), Э.К. Эйхвальд (1814–1856), А. Нордманн (1803–1868), К. Кох (1809–1879), Ф.И. Рупрехт (1814–1870), Р.Э. Траутфеттер (1809–1889)¹⁷⁹.

После завершения войны началось систематическое изучение территории Кавказа различными учёными и специалистами. Из исследователей необходимо отметить неумолимого путешественника по Кавказу – Н.Я. Динника – ставропольского учителя, натуралиста. Его работа «Звери Кавказа» считается лучшим трудом о млекопитающих этого региона. Неоднократные и длительные поездки Н.Я. Динника по Чечне позволили ему подготовить капитальные сводки о животном мире

Кавказа. Наибольший вклад в изучение горной фауны Чечни внесли Я.Я. Верлин (1870), М.Н. Богданов (1879), К.Н. Россиков (1884) и Н.Я. Динник. В 1871 г. М.Н. Богданов для исследования фауны позвоночных посетил окрестности города Грозного, крепости Ведено, аулов Харачой, Хой и Элистанжи, а также побывал на озере Кезеной-Ам. Во время поездки по Горной Чечне К.Н. Россиков в Аккинской котловине и долине Шаро-Аргуна обнаружил степных животных (черноватых и обыкновенных хомяков, полевок).

Проведение биологических описаний Кавказа

Первые сведения о животных Кавказа дал академик Иоганн Антон Гюльденштедт (1745–1784), начавший свои исследования 23 января 1770 г, приехав в Кизляр их Астрахани со своими спутниками – студентами Андрианом Соколовым, Алексеем Беляевым, Борисом Зряковским, Семеном Тарбиевым и художником Григорием Белым. Результатом этого путешествия было описание и некоторых новых видов животных, в том числе и одной из разновидностей туров¹⁸⁰. Огромное наследство, оставленное академиком Гюльденштедтом, составляет около 1200 мелко исписанных листов, богато иллюстрированных и снабженных картой Кавказа. Эти богатые материалы еще ждут своего исследования. Они восстаноят немало ярких страниц замечательного путешествия И.А. Гюльденштедта из Петербурга на Кавказ¹⁸¹. Преждевременная смерть Гюльденштедта помешала ему продолжить работу. Зоологические коллекции поступили в Академию наук, но почти все погибли из-за моли¹⁸².

И.А. Гюльденштедт принадлежит к плеяде ученых XVIII века, первыми осуществивших комплексное обследование обширных территорий Российской империи, в том числе и Кавказа. Это были люди, получившие образование, преимущественно, естественно-научное в городах Европы и большей частью приглашенные в Россию из Германии. Поездки И.А. Гюльденштедта по региону открыли новый этап в истории российского кавказоведения, когда в центре внимания оказались новые географические области и новые политические приоритеты. Путешествие Гюльденштедта на Кавказ началось в июне 1768 года и закончилось в 1773 году. Покидая же Кавказ, ученый записал в своем дневнике такие слова: «Моя душа, звавшая меня из-за преобладания больших опасностей обратно, в высокие русские границы, была спокойна после того, как моя цель – приобретение знаний о природе и народах этих местностей, очень мало известных миру, – некоторым образом выполнена в честь Создателя, для славы Монархии, к пользе Академии и приращению наук»¹⁸³.

В 1829 и 1830 годах Кавказ посетила экспедиция, снаряженная Академией наук; в ней принимали участие Купфер, Ленц, Мейер и Менетрие. Пробыв до 15 августа в Пятигорске, Менетрие и Мейер, через Кабарду, проехали в крепость Грозную, откуда позже выехали в Баку. В результате проделанной работы Менетрие представил первую сводку о фауне Кавказа в своем труде «Описательный каталог зоологических предметов, собранных во время путешествия по Кавказу». Это сочинение появилось в 1832 г. и много десятилетий оставалось единственным произведением, охватывающим всю фауну Кавказа¹⁸⁴. 1 февраля 1832 г. Менетрие в Академии наук представил свой отчет, в котором излагал свои наблюдения над 205 видами птиц, найденных им во время путешествия по Кавказу. Также Менетрие первый определил зоологические пояса Кавказа, и в конце отчета дал таблицу вертикального распределения животных по этим поясам.

В 1835–1837 годах профессор Харьковского университета И. Крыницкий совершил путешествие в бассейн рек Терек и Кубани. Во время путешествия Крыницкий простудился и, вернувшись в Харьков, вскоре (12 сентября 1835 г.) умер. Его наблюдения, содержащие материал по орнитологии Кавказа, были обработаны и изданы его товарищем, профессором Калениченко¹⁸⁵. В 1871 г. Казанское общество естествоиспытателей поручило Модесту Богданову съездить на Кавказ для исследования фауны позвоночных в этом регионе и сравнить их с фауной Черноземной области России.

Летом 1871 г. М. Богданов из Петровска проехал в Хасав-Юрт; затем взял курс на крепость Грозную и Владикавказ; откуда отправился в Тифлис. Из Тифлиса Богданов вернулся в Грозную, откуда выехал в Ведено, где совершил две экскурсии: в Элистанжи и на озеро Кезе-ной-Ам. На высокогорном озере М. Богданов наблюдал в бинокль в течение 20 минут редких

белоголовых грифов. Белоклювый орлан попался на глаза исследователю только раз, в дельте реки Терек. Всячески способствовал в работе Богданову помощник начальника Терской области Д.С. Старосельский. И.Стебницкий снабдил М. Богданова картами, которые помогали ему ориентироваться на местности. В конце исследования Модест Богданов пришел к заключению, что в пределах Кавказского края всего было найдено 323 вида птиц, многих из которых он описал в своем отчете¹⁸⁶.

В 1889 г. И.Я. Акинфеев – известный ботанико-географ, флорист, получил от Харьковского общества испытателей природы субсидию в 200 рублей для изучения флоры Северного Кавказа. На следующий год ученый получил субсидию от Кавказского отдела Императорского Русского географического общества для изучения флоры Сванетии. Иван Яковлевич, в общей сложности, был на Кавказе 24 раза. Впервые сбор кавказских растений он осуществил в 1882 г. До 1889 г. И.Я. Акинфеев обычно путешествовал один или в сопровождении жены, Анны Евдокимовны, всегда помогавшей ему в ботанических сборах. В дальнейшем более продолжительные путешествия в глубь Кавказа Иван Яковлевич совершал как один, так и в составе ботанических экспедиций, в которых принимали участие и многие другие известные ученые. Одной из основных работ Акинфеева стала книга «Флора Центрального Кавказа», которая была опубликована в 1894 году. Список сосудистых растений центральной части Кавказа, приводимый Акинфеевым в этой книге, содержал 795 видов¹⁸⁷.

Имя К.М. Бэра, выдающегося биолога-эволюциониста, тесно связано с историей биологических и географических исследований в России. Наиболее значительные исследования Бэра относятся к периоду его деятельности в Каспийской экспедиции в 1853–1857 гг., которая снаряжалась с целью всестороннего научного исследования Каспийского моря и его фауны, на основании которого можно было бы составить правила промыслового рыболовства. Поводом же к экспедиции послужили жалобы рыбопромышленников на оскудение Каспия рыбой. Организатором экспедиций наряду с Министерством государственных имуществ было и Русское географическое общество. Участники экспедиций предпринимали длительные поездки по северному, восточному и западному побережью Каспийского моря. К.М. Бэр одним из первых после П.С. Палласа обратил внимание на физико-географические условия Прикаспийской низменности. По его мнению, как и Палласа, когда-то она была дном древнего моря. Образование микрорельефа Прикаспийской низменности он связывал со стоком вод древнего моря. Ученый связывал образование Каспийского моря и колебание уровня воды в нем с тектоническими процессами и отрицал постепенное его усыхание¹⁸⁸.

После окончания Кавказской войны растительный покров Горной Чечни изучали натуралисты: Я.Я. Верлин (1870), Н.И. Кузнецов (1890),

В.И. Липский (1891, 1894), В.В. Маркович (1897), Г.И. Радде (1880), М.А. Иванов (1904, 1906). Разрозненные сведения о растительности Горной Чечни встречаются в работах Н.К. Зейдлица (1873), К.Н. Россикова (1884), А.Е. Россиковой (1896), К.Ф. Гана (1900) и других авторов¹⁸⁹. Благодаря работе ученых-биологов, в гербарии Кавказского музея появились растения из различных земель Терской области, в том числе и из Введенского, Аргунского и Грозненских округов¹⁹⁰. С исследовательской целью на Кавказ отправился и профессор Медико-Хирургической Академии, Падновский. Благодаря его усилиям в число свода дикорастущих лекарственных растений была включена шпанская мушка¹⁹¹. Видными представителями российской науки, исследовавших Северный Кавказ, были академики А. Шагрэн, В.С. Миллер и др. Особо следует отметить деятельность Броссе, первого в России академика, избранного в 1836 г. специально для разработки кавказоведческих проблем¹⁹². Проводили исследовательскую работу и энтузиасты своего дела. Так, суходольную растительность в про-

дольных долинах Горной Чечни выявил лесовод М.А. Иванов. (1904). Он также приводит сведения о широколиственных лесах, произрастающих на Чеченской равнине и в Черных горах.

Густав Иванович Радде считал Кавказ наиболее интересным для изучения регионом. Г.И. Радде со стороны Грузии (из хевсурского аула Шатили) пробрался в труднодоступный малхистинский аул Джарего. На левобережном склоне ущелья Чанты-Аргуна, на абсолютной высоте свыше 2000 м., Радде обнаружил уникальные растения. Г.И. Радде и Е.Г. Кениг впервые описали в Горной Чечне аридную растительность. Вблизи укрепления Евдокимовского на сухих сланцевых склонах они обнаружили держи-дерево, крушину, барбарис. Не доезжая до этого укрепления, ими был встречен дикий виноград. Много интересных находок удалось сделать ученому на Кавказе. Густав Радде обладал и прекрасными организаторскими способностями, в течение 49 лет он стоял во главе Кавказского музея. Интересно, что Густав Радде был иностранцем, родившимся в 1831 году в Данциге. На родине Радде изучал фармацию, но затем, увлеченный естествознанием, уезжает в Россию и принимает русское подданство. Не смотря на то, что Г. Радде исколесил почти всю северо-восточную часть России, он остановил свой выбор на Кавказе. В «Коллекциях Кавказского музея» он пишет: «Кавказ стал для меня второй родиной». Г. Радде часто организовывал бо́льшие экспедиции по дальним маршрутам и собирал гербарии, зооэкспонаты и материалы этнографического характера¹⁹³.

Много энтузиастов своего дела работало в тот непростой период на Кавказе. Исследователь В.И. Липский проехал по маршруту Владикавказ-Слепцовская-Грозный-станция Умахан-Юртовская – аул Исти-Су – слобода Хасав-Юрт. Особое внимание Липский уделил изучению степной растительности Передовых хребтов, где собрал много растений¹⁹⁴. В 1858 году вышла в свет работа А. Оверина и Н. Ситовского под наименованием «Опыт русско-кавказской флоры в применении к сельскому хозяйству и домашнему быту», в которой были представлены многие растения, найденные на побережьях рек Терек и Аргун. Помимо описания растений, указывались их качественные характеристики, а также сообщалось о применении их чеченцами в хозяйственных и лечебных целях¹⁹⁵. Одним из первых профессиональных ботаников, посетивших послевоенную Чечню, был Ф.С. Байерн, который экскурсировал в районе Шатоевского укрепления и в Кейское ущелье. Известны его сборы, датируемые 1860-61 гг. Значительный вклад в проведение ботанических исследований на Кавказе внес Н.И. Кузнецов (1864-1932) – крупнейший ботаник своего времени, профессор Юрьевского университета. Его работы знаменуют переход на качественно новый уровень в изучении кавказской флоры. В мае 1895 г. он маршрутно прошел часть территории современных Ножай-Юртовского, Веденского и Гудермесского районов Чеченской Республики. Н.И. Кузнецов был первым, кто сделал общее описание растительности горной Чечни (1890–1892), установив здесь две высотные зоны: альпийскую луговую, ограниченную снизу березой, и зону широколиственных лесов с преобладанием типичных буковых формаций.

Наиболее полное описание растительности Веденского округа было выполнено в 1870 г. Я.Я. Верлиным. Почти вся Ичкерия (юго-восточная часть Чечни), согласно автору, была в то время покрыта густыми лесами, состоящими из бука восточного, граба кавказского, кленов, липы, ясеня и дуба. Списки русских и латинских названий деревьев, кустарников и трав Ичкеринского округа Терской области опубликовал Я.Я. Верлин (1870). Автор привел также результаты фенологических наблюдений (сроки цветения растений). Первое геоботаническое исследование Горной Чечни осуществил в апреле-июне 1889 года Н.И. Кузнецов (1890). Он обследовал бассейны рек Ассы. Хулхулау, Аргуна и сделал вывод о том, что растительность Чечни имеет «западноевропейский облик»¹⁹⁶. В 1898 г. частную коллекцию растений собирал в Чечне Ф.И. Горепекин, часть которой была описана Кузнецовым¹⁹⁷.

Капитальный труд Ф.К. Маршалла – Биберштейна «Flora Taurico-Caucasia» (1808–1819), в котором впервые собран и подытожен весь имеющийся к тому времени материал о флоре

Кавказа и Крыма, является важным этапом в научно-ботаническом изучении. Ботанические сведения о Чечне и Ингушетии начала XIX в. связаны также с именем историка-этнографа С.М. Броневского, который в работе «Кавказцы» (1823) дал ботанико-географическое описание Чечни и Ингушетии, разделив приводимые растения (109 видов) на три группы. Небольшие гербарные сборы в окрестностях крепости Грозной в 1829 году произвел известный ботаник К.А. Мейер. В 1900 и 1901 гг. Б.Б. Гриневецкий совершил две ботанические экспедиции на Кавказ. Результатом этих исследований стала крупная ботаническая коллекция (около 5 000 гербарных экземпляров местных растений)¹⁹⁸.

А.Н. Краснов, ученик В.В. Докучаева, был одним из наиболее талантливых и оригинальных русских географов своего времени. Любовь к Кавказу у исследователя была горячей и устойчивой. С Кавказом связаны первые шаги его самостоятельной научной работы. Позже Кавказ стал для Краснова местом почти ежегодных экскурсий. Всецело Кавказу посвятил он последние годы своей жизни. Многие районы Большого Кавказа и Закавказья Краснов посетил пешком или на лошади, один или в сопровождении студентов Харьковского университета. Большая часть научного наследия Андрея Николаевича о Кавказе касается растительного покрова. К изучению растительности Кавказа А.Н. Краснов подходит как географ и палеогеограф. В своих исследованиях ученый приходит к выводу, что для объяснений особенностей современной растительности и фауны надо знать не только современные природные условия, но и прошлые, в особенности ледниковые эпохи. Красновым был собран богатый гербарий, насчитывающий около 600 видов преимущественно альпийской и субальпийской флоры. В горной лесной зоне Краснов нашел представителей вечнозеленой флоры, когда-то имевшей широкое распространение не только на Кавказе, но и на Русской равнине.

В своих работах А.Н. Краснов призывал географов к дальнейшему исследованию природы Кавказа. К числу вопросов, ждущих разработки со стороны географов, Краснов относит: уточнение геолого-геоморфологической истории формирования Кавказа; выяснения числа и характера четвертичных оледенений Большого Кавказа; изучение почвенного покрова Кавказа; антропологическое изучение коренного населения Кавказа; изучение древних очагов земледелия. Много лет спустя Н.И. Вавилов отнесет Кавказ к числу древнейших земледельческих очагов. По убеждению ученого, в прошлом земледелие максимальное развитие получило не в наиболее легких для освоения регионах, а, наоборот, в суровых условиях горной зоны Кавказа, в пустынях Египта, Месопотамии и т. д.¹⁹⁹.

Изучение Кавказа географом В.В. Докучаевым

Огромную роль в ботаническом изучении Кавказа и его областей сыграли как крупные научные центры (Академия наук в Санкт-Петербурге, ботанические сады Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов, Московское общество испытателей природы), так и функционировавшие на Кавказе научно-ботанические учреждения: Тифлисский ботанический сад, Кавказское общество любителей естествознания, Кавказский музей, Кавказское общество сельского хозяйства. Особенно значителен вклад в изучение флоры края Императорского русского географического общества (ИРГО) и его Кавказского отдела (1872–1916 гг.), по заданию которого были проведены отдельные экспедиции и экскурсии²⁰⁰. Материал для статьи «Нагорная флора Сванетии» был собран А.Н. Красновым летом 1890 г. на средства Русского географического общества. 22 декабря 1890 г. Краснов выступил с отчетом о результатах поездки на совместном заседании двух отделений Общества – математической и физической географии. Сообщение его было встречено с большим интересом. Ботанико-географов заинтересовали данные о растительности, геологов и геоморфологов – открытие Красновым одного неизвестного ранее озера и установление широкого распространения следов древних ледников в Сванетии. А.Н. Краснов обладал редким даром делать зримым и осязаемым самое далекое и непонятное для читателя и слушателя. Научно-популярные очерки А.Н. Краснова читаются как настоящее художественное произведения²⁰¹.

В 1870-х гг. в степях южной России происходили регулярные катастрофические засухи. Если ранее помощь пострадавшим сводилась собственно к спасению голодавших, то после засух 1873 и 1875 гг. Вольное экономическое общество решило заняться изучением причин засух. Естественно-историческое исследование черноземной области было поручено Докучаеву. С решения этой прикладной задачи и начались его работы, ставшие фундаментом генетического почвоведения. Взгляд, согласно которому истребление лесов вызывает губительные последствия для сельского хозяйства (падает уровень грунтовых вод, развивается почвенная эрозия), был широко распространен в среде естествоиспытателей с начала XIX в. Однако, только работы Докучаева и его последователей (почвоведов, агрономов и ботаников), обосновали это мнение экспериментально, а также то, что негативные последствия вызывают истребление естественной растительности вообще. К концу XIX в. почти полная распашка степей в южной России, вызывавшая почвенную эрозию, породила и другие проблемы – в первую очередь размножение вредителей и сорняков. Регулярные неурожаи привели, наконец, местные власти к осознанию необходимости осуществления постоянных исследований естественно-исторических условий своих губерний, организации агрономической помощи, а также некоторых действий в области охраны природы²⁰².

В 1899 г. научная экспедиция под руководством профессора В.В. Докучаева (1846–1903) – величайшего русского естествоиспытателя, основоположника генетического почвоведения и современной физической географии с целью изучения почв Восточного Кавказа совершил поездку по маршруту: Владикавказ – Грозный – Ведено – Ботлих. В результате проведенных исследований В.В. Докучаев установил существование на Кавказе вертикальной зональности почв и растительного покрова и показал роль рельефа и растительности в почвообразовании. Он также отметил, что все пространство от Грозного до Ведено и, несколько дальше на юг, еще сравнительно недавно, было покрыто сплошными непроходимыми лесами, о чем свидетельствуют типичные серые почвы в этих местах. Докучаев не только увековечил свое имя как создатель науки о почве, но и одним из первых стал много внимания уделять озеленению российских регионов. Он считал, что самое верное спасение от засухи – лесонасаждения. Докучаев учил также, что в степях, помимо защитных лесных насаждений, нужно

создавать «магазины влаги» – копать пруды, каналы и т. д. А чтобы не менялись русла рек, озеленять их берега²⁰³.

В.В. Докучаев родился в 1846 г. в Смоленской губернии, в семье священника. Еще студентом В. Докучаев начал интересоваться новейшими геологическими исследованиями. Первая его научная работа (1869 г.) была посвящена геологическому описанию берегов реки Качни, в окрестностях родного ему села Милуково²⁰⁴. Будучи уже всемирно известным ученым, Василий Васильевич Докучаев выступал неоднократно на заседаниях различных научных обществ, докладывая о результатах своих исследований. На Всемирной Парижской выставке 1900 г. из экспонатов почвенного отдела особое внимание посетителей обращала на себя новая почвенная карта Кавказа, составленная профессором В.В. Докучаевым. Русский почвенный отдел имел большой успех среди иностранных ученых и агрономов, признавших, что в отношении исследования почв Россия стоит выше других государств²⁰⁵. Своим успехом ученый был обязан и прекрасному образованию, полученному в юности. Василий Васильевич Докучаев учился в смоленской духовной семинарии, закончил Санкт-Петербургский университет (физико-математический факультет)²⁰⁶.

Отдавая всю свою жизнь, все труды и все свободное время своему любимому делу, В.В. Докучаев деятельно стремился к популяризации геологических знаний и к ознакомлению с ними большой публики. Для этого он не раз читал публичные лекции по почвоведению. Крупный ученый-почвовед С.А. Захаров так характеризовал выступления В.В. Докучаева: «Перед нами выступал не просто профессор, знающий и любящий свое дело, а перед нами вещал пророк, создатель нового учения. Докучаев импонировал и своей представительной фигурой, и своим голосом, и необыкновенной точностью и убедительностью и красочностью своего изложения. Впечатление от лекции В.В. Докучаева было исключительное, я бы сказал, потрясающее, если бы не спокойный, и какой-то величавый тон лектора».

В.В. Докучаев и его ученики убедительно доказали, что плодородие сельскохозяйственных земель и условия их обработки зависят не только от свойств почв. Они производные природного комплекса в целом, в том числе и таких его составляющих, как климат, рельеф, грунты и др. Такая ориентация и послужила началом формирования ландшафтного подхода в сельскохозяйственной деятельности человека²⁰⁷

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.